2410
1913

В. Вощининъ.

Очерки Новаго Туркестана.

Свѣтъ и тѣни Русской колонизаціи.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-05542
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

С.-Петербургъ 1914.

С.-Петербургъ.
Типографія Т-ва „Нашъ Вѣкъ“
Малая Подьяческая, с. д. № 12.

I. Туркестанъ «старый» и «новый».

II. Исторія «закрытія» края.

III. Контрасты Голодной Степи.

IV. На востокъ отъ Андижана.

V. Русскій центръ въ Ферганѣ.

VI. Поселки предгорные.

VII. У подножія снѣгового хребта.

VIII. Свѣтъ и тѣни колонизаціи.

I.

По Ташкентской желѣзной дорогѣ.—Заботливость о пассажирахъ.—Степь переходитъ въ пустыню.—Холодильники.—Въ предѣлахъ Туркестанскаго края.—Каракумъ—злые пески.—Фата-моргана.—Вліяніе рѣки Сыръ-Дарьи.—Вмѣсто поѣзда—баня.—„Красный" песокъ.—34 градуса по Реомюру.—Отраръ, Арысь, Сарыагачъ, Казыкуртъ.—Ташкентскій оазисъ, Ташкентъ.—Туркестанъ „старый" и „новый".

Душно и пыльно въ вагонѣ... Столбикъ ртути въ термометрѣ поднялся на небывалую еще высоту - 30 по реомюру, но въ утѣшеніе изнемогающимъ отъ жары пассажирамъ на всѣхъ видныхъ мѣстахъ объявляется, что ниже 15°, несмотря ни на какіе морозы, въ поѣздѣ быть не должно... Переполненный вагонъ-ресторанъ бойко торгуетъ всякими прохладительными напитками, но черезъ какой-нибудь часъ, когда стало еще на одинъ градусъ «теплѣе», а вдѣланный достаточно примитивно въ потолокъ вагона вентиляторъ остановился, засорившись совершенно не во время,—похожій на мокрую тряпку лакей объявляетъ, что ни льда, ни воды больше нѣтъ, и что скоро достать невозможно... Кое кто изъ путешественниковъ пытается протестовать противъ подобнаго совпаденія несчастій, другіе мирятся съ судьбой молча, а раскаленный поѣздъ, весь въ облакѣ пыли, продолжаетъ мчаться по раскаленнымъ рельсамъ.

Это—картинка съ натуры на Ташкентской желѣзной дорогѣ, уже значительно южнѣе Оренбурга, въ іюлѣ—т. е. тогда, когда никто изъ благоразумныхъ людей, по увѣренію опытныхъ пассажировъ, въ Туркестанъ доброй волей не

ѣдетъ. Камешекъ въ мой огородъ, такъ какъ я дѣйствительно единственный, повидимому, въ поѣздѣ доброволецъ въ указанномъ смыслѣ. И быть можетъ только издавна воспитанная привычка находить въ самыхъ неблагопріятныхъ дорожныхъ условіяхъ долю новизны и интереса дѣлаетъ то, что я какъ будто бы меньше другихъ «размокаю», и въ достаточной мѣрѣ сохраняю способность воспринимать впечатлѣнія.

Открывающаяся изъ оконъ вагона природа оставляетъ желать много лучшаго. Послѣ Актюбинска (600 верстъ отъ Самары), степь, такъ сильно до сихъ поръ благоухавшая сѣномъ и полная перепелами и жаворонками, постепенно переходитъ въ пустыню. Селенія рѣже, растительность все бѣднѣй и бѣднѣе, чаще песокъ отдѣльными озерцами на фонѣ все еще травянистой, впрочемъ, равнины. Пыль постепенно усиливается, начинаетъ проникать буквально всюду, слѣпитъ глаза, сушитъ и деретъ горло. На туманномъ горизонтѣ виднѣются караваны верблюдовъ, а у рѣдкихъ рѣченокъ, скорѣе ручьевъ, съ голыми, или въ лучшемъ случаѣ съ камышевыми, берегами, изрѣдка попадаются «лѣтовки» т. е. группы киргизскихъ юртъ — кочевники изъ подъ самаго Каспія.

32 градуса! Но солнце ужъ клонится къ западу, запасъ воды и льда возобновленъ, пыль какъ будто уменьшилась, и дышать становится легче. Незамѣтно переваливаемъ Мугоджарскія горы, вслѣдъ за чѣмъ все еще раскаленное красное солнце какъ то сразу опускается въ коричнево-сѣрую пелену, опоясывающую небосклонъ, и столь же сразу наступаетъ вечеръ, а за нимъ и ночь—единственная по своей пустынно степной красотѣ—живительная прохладная.

Воздухъ дѣлается все чище, прозрачнѣе и ароматнѣе. На этотъ разъ уже пахнетъ полынью. Мѣсяцъ въ серебряномъ ореолѣ сіяетъ буквально ослѣпительно на черномъ куполѣ неба, а звѣзды, кажущіяся здѣсь огромными и необыкновенно блестящія, какъ бы отражаются въ яркихъ огонькахъ киргизскихъ костровъ. Полная тишина чувствуется за громыханіемъ поѣзда; лишь рѣдко-рѣдко вскрикнетъ какая-то птица, да свистокъ паровоза нарушитъ гармонію степного покоя...

Большая часть пассажировъ у оконъ, совершенно забывъ всѣ дневныя мученія. Завязываются знакомства, о снѣ никто и не думаетъ, хочется дышать полною грудью, любоваться рѣдкой картиною.

Впрочемъ, отдѣльные путники настроены далеко не мечтательно. По крайней мѣрѣ изъ глубины вагона явственно слышится раздраженный голосъ только теперь оправившагося отъ духоты толстяка.

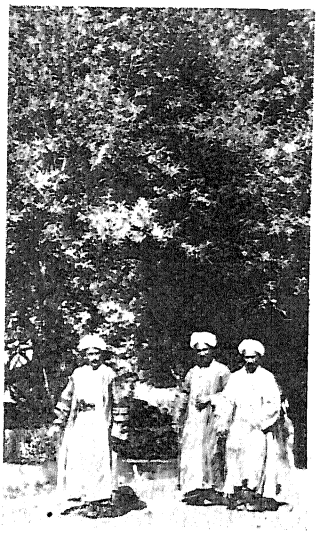
— Нѣтъ, каково безобразіе, рокочетъ его низкій басъ. Для фруктовъ, видите-ли, теперь выдумали особые поѣзда-холодильники, ученыя экспидиціи снаряжаютъ, и милліоны на это расходуютъ. Москвѣ-де смерть безъ туркестанскаго персика! Допустимъ. Но почему, спрашивается, никакому идолу, извините, и въ голову то вѣдь не придетъ намъ съ вами, людямъ несчастнымъ, удобство въ пути предоставить? Да я, можетъ быть, въ десять разъ нѣжнѣе этого фрукта самаго, и охлажденія требую во избѣжаніе гибели. Это пустякъ по вашему? Нѣтъ-съ, извините, и если ужъ почему нибудь топятъ вагоны въ морозы, то и холодить, когда нужно, ихъ слѣдовало бы...

Въ „старомъ“ Ташкентѣ.

Чей то неувѣренный смѣшокъ прерываетъ оратора на полу-словѣ, но черезъ минуту вновь на весь вагонъ раздается громогласная рѣчь. И въ результатѣ не знаешь, шутитъ ли толстякъ, говоритъ ли серьезно, и только-ли можно смѣяться по поводу его заключеній...

Чуть свѣтъ на слѣдующій день мы уже въ предѣлахъ Туркестанскаго края—въ наиболѣе сѣверной его части въ Сыръ-Дарьинской области. Голубою полоскою мелькнуло Аральское море, съ промышленнымъ и ловецкимъ поселкомъ Аральскомъ, заложеннымъ здѣсь нашими переселенцами сразу же по проведеніи желѣзной дороги, а теперь развив-

Ташкентскіе муллы.

шимъ (за 10 лѣтъ) свой торговый оборотъ уже до 6 милліоновъ рублей,— а дальше—сплошной песочный океанъ, необозримый, сыпучій, образующій на огромномъ пространствѣ извѣстную «злую» пустыню, «черные» пески,— «Кара-кумъ». Не дай Богъ путнику быть застигнутымъ вѣтромъ въ этой пустынѣ. Нерѣдко тамъ, гдѣ часъ назадъ высился холмъ, футовъ въ 40, теперь образовалась глубокая впадина, а на мѣстѣ прежняго углубленія—едва ли не горы—«барханы». И такъ, по преданію, погребались здѣсь цѣлые цвѣтущіе оазисы, города даже. Нѣкоторые, однако, холмы начинаютъ повидимому уже закрѣпляться какими то полукустарниками—признакъ сравнительной близости перехода пустыни въ песчаную степь. Эти жалкія колючки, вовсе не оживляя общаго мертваго ландшафта, служатъ тѣмъ не менѣе любимою пищей верблюдовъ, и дѣйствительно, встрѣчающіеся корабли пустыни несутъ свои спинныя украшенія высоко приподнятыми — признакъ упитанной сытости.

Колесныхъ дорогъ здѣсь, конечно, не видно: лишь довольно глубокія, но узкія тропы свидѣтельствуютъ о какомъ-то движеніи, но и это до перваго вѣтра.

Постепенно становится жарко, песокъ дѣлается все назойливѣе, солнце еще больше краснѣетъ. А на горизонтѣ— чудныя голубыя озера, окаймленныя тропической зеленью, масса животныхъ, люди, жизнь... Но это только лишь фата-моргана, обманъ зрѣнія, миражъ—явленіе здѣсь постоянное, глубоко поучительное. А какъ красиво!..

Къ удовольствію для всѣхъ пассажировъ, полотно желѣзной дороги временно уклоняется въ сторону отъ прелестей Кара-кума и вступаетъ въ районъ вліянія рѣки Сыръ-Дарьи—альфы и омеги благосостоянія коренного Туркестана. Гдѣ вода—тамъ богатство, вотъ мѣстная аксіома, сразу же воспринимаемая и впервые посѣщающими эту страну при видѣ даже изъ оконъ вагона того, какъ выжжен-

ная солнцемъ пустыня вдругъ быстро и рѣзко уступаетъ мѣсто цвѣтущимъ садамъ, огородамъ и пашнямъ. И причиною этой метаморфозы какая нибудь совершенно ничтожная рѣчка. Около главнѣйшей водной артеріи Туркестана подобное оживленіе, конечно, еще разительнѣе, грандіознѣе, и невольно любуешься, кстати, невиданнымъ никогда въ іюлѣ, т. е. въ самое жаркое время, разливомъ ея половодья на десятки верстъ во всѣ стороны, тогда какъ въ центральной Россіи теперь курицы вбродъ переходятъ едва ли не судоходныя рѣки. А здѣсь въ это время — періодъ наибольшаго таянія горныхъ снѣговъ — разумнѣйшая поправка природы къ дѣйствительно нестерпимой жарѣ и засухѣ.

Рисовые посѣвы.

Глазъ поражается, дальше, затопленными посѣвами въ земляныхъ рамкахъ, съ тучами дичи надъ этими посѣвами. Это—рисъ, одна изъ самыхъ цѣнныхъ мѣстныхъ культуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно вредная, такъ какъ малярія у рисовыхъ полей — вещь обязательная. Видны и русскія и туземныя лица, но поѣздъ идетъ быстро, и нѣтъ возможности на долго остановить вниманіе на чемъ либо опредѣленномъ, столько здѣсь всякихъ новыхъ ощущеній, вплоть до физическихъ, такъ какъ теперь въ вагонахъ уже типичная баня-парилная.

Послѣ станціи Перовска, красиваго оазиса съ пирамидальными тополями, вновь пустыня, но уже не «Кара», а Кызылъ-кумъ, т. е. пески красные. Почему именно крас-

ные—никому не извѣстно, но что они симпатичнѣе «черныхъ»—несомнѣнно. Прежде всего, нѣтъ нѣтъ, да увидишь на безграничномъ песочномъ просторѣ каменную бабу—памятникъ погребальнаго культа неизвѣстныхъ народовъ; затѣмъ киргизскія сооруженія—тоже грустные памятники смерти, въ видѣ глиняныхъ построекъ, мечетеобразнаго типа; между холмами песковъ—впадинки изъ сухой соли разнообразныхъ оттѣнковъ—бѣлаго, краснаго, чернаго. Наконецъ, кое гдѣ даже какой то кустарникъ съ фіолетовыми и красными цвѣточками. Смотришь—и ужъ не такъ тоскливо, и хочется забыть, что въ вагонѣ тридцать четыре градуса,—сегодняшній максимумъ,—что въ головѣ шумитъ, а въ глазахъ кровавые мальчики... Это—награда знойнаго солнца за мою любознательность, тогда какъ благоразумные пассажиры еще съ утра обложились льдомъ, закрылись отъ свѣта, сбросили всѣ одежды...

Минуемъ станцію Тимуръ, близъ которой лежатъ развалины, или вѣрнѣе слѣды, древняго Отрара,—города, въ которомъ скончался величайшій изъ здѣшнихъ завоевателей Тамерланъ,—станцію Арысь, съ русскими поселками и зарослями цытварной полыни, откуда пойдетъ въ скоромъ времени столь необходимая желѣзная дорога на Вѣрный и на соединеніе далѣе съ сибирскою магистралью,—и вотъ уже поздній вечеръ, такой же обаятельный, какъ и наканунѣ, но для меня лично утративпій всякую прелесть: и я наконецъ отравился жарою.

Настолько, что пропускаю безъ взякаго вниманія перевалъ Сарыагачскій, замѣчательный, кажется, впрочемъ, единственно тѣмъ, что «переваливаетъ» его именно желѣзная дорога, а не что иное; равнодушенъ я даже и къ близости мѣстнаго Арарата—«Казы-Курта»,—единственно подлиннаго мѣста остановки Ноева ковчега по клятвенному утвержденію туземцевъ.

Томительно проходитъ душная ночь, и, наконецъ, вмѣстѣ съ забрезжившимъ свѣтомъ, наступаетъ не только мое, но и общее облегченіе: мы подъѣзжаемъ къ столицѣ современнаго Туркестана—къ Ташкенту.

Еще задолго до города потянулись сплотные сады и виноградники, прорѣзанные арыками, т. е. мелкими отвѣтвленіями оросительныхъ каналовъ,—городъ стоитъ среди об-

ширнаго и плодороднѣйшаго оазиса, питаемаго рѣкой Чирчикомъ. Но вотъ, наконецъ, и самый Ташкентъ, первое впечатлѣніе отъ котораго, благодаря богатымъ окрестностямъ, утренней прохладѣ (23°), и тѣнистой, только что политой, улицѣ къ весьма недурной гостинницѣ, и чистой ваннѣ въ послѣдней—отличное. Оно не ухудшается особенно рѣзко и далѣе.

Ташкентъ подробно описывался неоднократно, и поэтому я ограничусь общимъ утвержденіемъ, что и въ іюлѣ здѣсь можно жить не безъ пріятности. Жара умѣряется тѣнью, водою, искусственнымъ льдомъ, а безъ жгучаго солнца развѣ можетъ быть стильна вся эта старая Азія, упорно цѣпляющаяся за право на современную жизнь въ старомъ, туземномъ Ташкентѣ?

На поляхъ „стараго“ Туркестана.

«Новый» Ташкентъ—это Ташкентъ русскій, съ дворцомъ генералъ-губернатора, соборомъ, домикомъ Черняева, памятникомъ Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографомъ «Хивою» и проч. Это, словомъ—Европа съ ея культурой и внѣшностью. И вездѣ, во всѣхъ городахъ края проводится такое различіе между кварталами «новымъ» и «старымъ». Больше того: говорятъ, что есть признаки раздѣленія культуръ и на поляхъ туркестанскихъ. Тамъ, то на высокихъ предгорьяхъ, то въ всегда плодородныхъ долинахъ, то, наконецъ, въ прежнихъ безплодныхъ степяхъ, только теперь орошаемыхъ, начинаетъ селиться русскій народъ, а съ нимъ вмѣстѣ медленно, но, кажется, вѣрно, въ толщу незапамятныхъ туземныхъ пред-

разсудковъ и вѣрованій начинаетъ проникать и культура русская. Такъ, по разсказамъ и слухамъ, незримо растетъ и крѣпнетъ Туркестанъ «новый».

Что стоятъ сутки душнаго поѣзда передъ перспективою видѣть воочію зачатки подобнаго превращенія?

Два дня на знакомство съ Ташкентомъ, и скорѣе въ глубину Туркестана. Оказывается, что создателей «новой» страны можно встрѣтить почти повсемѣстно, и, въ частности, въ восточномъ краю Ферганы, въ Андижанскомъ уѣздѣ, гдѣ іюль все же терпимѣе и удобнѣе для путешествія.

II.

Въ Туркестанъ переселеніе закрыто!—Исторія подобнаго случая.—Времена прежнія и настоящія.—Проблески здоровой политики.—Колонизаціонные фонды искусственный и натуральный.—Составъ переселенцевъ на „закрытыхъ“ земляхъ.—Размышленія по этому поводу.—„Скорый“ поѣздъ.

Если вамъ скажутъ, что въ Туркестанъ, богатѣйшую и пожалуй единственную настоящую колонію Россійскаго государства, завоеванную, кстати сказать, совершенно недавно,—закрытъ доступъ нашей колонизаціи въ лицѣ ея естественныхъ піонеровъ-переселенцевъ,—вы навѣрно ушамъ своимъ не повѣрите, до того несообразнымъ покажется вамъ подобное утвержденіе.

А между тѣмъ это дѣйствительно такъ, причемъ исторія сего замѣчательнаго и единственнаго въ своемъ родѣ конфуза настолько поучительна, что привести ее здѣсь хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ мы считаемъ положительно нужнымъ. Тѣмъ болѣе, что нашъ поѣздъ—«Ташкентъ-Андижанъ»—подвигается убійственно медленно, окрестности не интересны, и нужно хорошее средство, чтобы вывести насъ изъ навѣянной жарою апатіи...

Коренной Туркестанъ, т. е. современныя области Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую, издавна населяли народы какъ осѣдлые, такъ и кочевые. Первые занимали главнымъ образомъ поливныя земли, обрабатывая опредѣленные участки,—къ услугамъ же вторыхъ была вся остальная территорія края, считавшаяся государственной и ограниченная въ пространствѣ единственнымъ при-

знакомъ фактической ненужности или негодности ея въ данный моментъ для земледѣлія.

Съ присоединеніемъ Туркестана къ Россіи, первые нѣсколько лѣтъ протекли безъ установленія закономъ правъ туземцевъ на земли, и именно къ этому времени относится безхитростная и полезная дѣятельность мѣстной администраціи, возглавлявшейся прежде всего славнымъ генераломъ Кауфманомъ, по русской колонизаціи края. Всякому тогда было ясно, что для наличныхъ кочевьевъ вовсе не нужно столь непомѣрнаго пространства земли, какъ это числилось за киргизами; всякому было понятно, что въ «кочевую» земля обратилась только потому, что не осталась «осѣдлой», и что если бы распредѣленіе земель началось отъ нуждъ кочеванія, то въ разрядъ осѣдлыхъ отошла бы добрая треть кочевыхъ. Этого не надо было объяснять туркестанской администраціи, и, руководствуясь только здравымъ смысломъ и очевидностью, она образовала еще въ 70-хъ годахъ нѣсколько русскихъ поселковъ въ Сыръ-Дарьинской области на земляхъ, называвшихся кочевыми, но кочевниками не только не освоенныхъ, а и вовсе имъ иногда незнакомыхъ, безусловно не нужныхъ.

Какъ провѣдали про здѣшнія земли наше крестьяне— одинъ Богъ знаетъ, но за первыми переселенцами вмигъ явились вторые, затѣмъ третьи, и всѣхъ ихъ встрѣчали какъ элементъ желательный и устраивали вышеуказаннымъ образомъ. Такъ, мало по малу, шло заселеніе русскими ихъ азіатской окраины...

Но вотъ въ 1886 году былъ изданъ законъ, по которому земли, состоявшія во владѣніи осѣдлаго населенія, должны были замежевываться этому послѣднему въ собственность, земли же въ предѣлахъ кочевыхъ волостей, оставаясь государственными, обращались въ безсрочное пользованіе кочевниковъ и только ихъ. Иначе говоря – юридически закрѣплялась на вѣки отвлеченнѣйшая фикція въ отношеніи киргизовъ, а почти одновременно съ симъ, и тоже особымъ закономъ, указывалось, что русскіе переселенцы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ получать небольшіе участки «свободныхъ» земель государственныхъ...

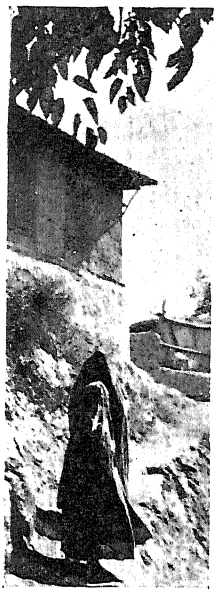
Какія же земли оставались при этомъ свободными? Такую головоломную задачу предстояло разрѣшить опять таки мѣстнымъ властямъ, уже лишеннымъ теперь возможности дѣйствовать на благо родины по крайнему своему разумѣнію. Кочевые районы оказывались по закону закрытыми для переселенія окончательно и безповоротно — значитъ нужно было ожидать поземельнаго устройства осѣдлаго населенія,—авось тамъ обнаружатся свободныя земли. Однако, на это ожиданіе несомнѣнно предстояло затратить лѣтъ двадцать, а переселенцы тѣмъ временемъ продолжали идти, и какъ на зло въ кочевые районы, не считаясь ни съ новымъ закономъ, ни съ сдѣлавшимся теперь отчаяннымъ положеніемъ мѣстной администраціи.

Но, говорятъ, нѣтъ такого положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти. Нашла себѣ посильный выходъ и туркестанская власть: для устройства каждаго русскаго поселка заключалось особое, каждый разъ, соглашеніе съ кочевниками объ у с т у п к ѣ ими потребнаго пространства земли,—обыкновенно за денежное вознагражденіе... Или, выражаясь другими словами,—государственныя, т. е. казенныя, земли пріобрѣтались той же казною у лицъ, не имѣвшихъ права ихъ отчуждать, и поступали въ качествѣ вновь государственныхъ русскимъ переселенцамъ. Полное, казалось бы, отсутствіе логики, но дѣйствительно выходъ единственный, и въ концѣ концовъ приводившій къ желательной цѣли.

Нужно при этомъ замѣтить, что въ то именно время многіе относились къ переселенческому движенію по меньшей мѣрѣ скептически, а потому не въ модѣ были и вопросы колонизаціи: по крайней мѣрѣ на воспособленіе русскимъ піонерамъ въ Туркестанѣ ассигновывались буквально гроши изъ остатковъ по интендантской (sic!) смѣтѣ...

Еще прошло нѣсколько лѣтъ, умѣренный притокъ переселенцевъ все продолжался, земли для нихъ кое-какъ находились, и 25 русскихъ поселковъ за первые четверть вѣка владѣнія нами Туркестаномъ все же на почвѣ послѣдняго выросли *. Вдругъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ, послѣ неурожая въ центральной Россіи, на киргиз-

* 1300 семей.

Сартянка.

скія земли хлынула сразу огромная, сравнительно, волна переселенцевъ — почти столько же, сколько пришло ихъ за все прежнее время. Такой наплывъ русскаго люда, повлекшій за собою образованіе въ одномъ лишь 1891 году 17 новыхъ поселковъ, ошеломилъ и видавшую виды мѣстную администрацію, живо подсчитавшую, что если и впредь переселенцы будутъ идти сюда въ прежнемъ количествѣ, то и за землю для нихъ придется платить непомѣрныя цѣны, такъ какъ аппетиты киргизъ разгорались,—и вообще не обобраться хлопотъ.

И опять таки выходъ нашелся: въ 1897 году генералъ-губернаторомъ былъ изданъ приказъ—не водворять крестьянъ въ Туркестанѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены въ извѣстность свободныя, годныя, земли и установленъ общій планъ колонизаціи края... А дабы русскимъ крестьянамъ не повадно было и проникать на запрещенныя земли, тотъ же генералъ-губернаторъ просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ не пропускать переселенцевъ въ Туркестанъ черезъ Астрахань и порты Каспійскаго моря...

Какъ реагировалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ на подобную просьбу, я, къ сожалѣнію, не знаю. Доподлинно точно лишь то, что именно съ 1897 года Туркестанъ признается оффиціально закрытымъ для переселенія и по настоящее время, и то еще, что, несмотря на такую закрытость, т. е. лишеніе всѣхъ туда ѣдущихъ гарантіи въ полученіи надѣла,—съ того же 1897 года и по настоящій моментъ переселенцы въ Туркестанъ продолжали идти, и въ немъ устраивались и устраиваются.

Вотъ, собственно, и вся «исторія» закрытія Туркестана для переселенцевъ, поучительная главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что, какъ оказывается, именно у насъ въ Россіи случаются такія проявленія народной стихійности, предъ которой не могутъ иногда не пасовать генералъ-губернаторы, министры, законы...

Но неужели же до сихъ поръ нельзя было, «открыть» Туркестанъ?

— Судите сами. Первое изъ препятствій, мѣшавшихъ, по мнѣнію «закрывшаго» Туркестанъ генералъ-губернатора барона Вревскаго, русской колонизаціи края — отсутствіе точныхъ свѣдѣній о свободныхъ и годныхъ земляхъ въ районахъ осѣдлаго заселенія – успѣло къ настоящему времени изъ условнаго раньше обратиться въ абсолютно непреодолимое, такъ какъ послѣ учета и закрѣпленія земель за туземнымъ населеніемъ по правиламъ закона 1886 года, излишковъ почти не оказалось... Злые языки объясняютъ этотъ новый «пріятный» сюрпризъ тѣмъ, что занимавшіяся утвержденіемъ земель особыя установле-

„Новые“ туркестанцы.

нія гораздо больше заботились о цѣляхъ узко фискальныхъ, нежели объ охраненіи, а тѣмъ паче о созданіи государственнаго земельнаго фонда, и замежевывали каждому туземцу любое пространство, лишь бы больше платилось налога... Быть можетъ это злостная выдумка, но во всякомъ случаѣ правы были старыя туркестанскія власти, не пожелавъ въ свое время ожидать окончанія работъ этого рода.

Въ итогѣ, земель свободныхъ не оказалось больше нигдѣ. Формально, конечно. Можно ли было, спрашивается, устанавливать при этомъ общій планъ колонизаціи края— второе conditio sine qua non для его открытія?

Однако, раньше чѣмъ поземельно податныя комиссіи успѣли доказать, что вся лучшая земля въ Туркестанѣ при-

надлежитъ только туземцамъ, многія мѣстныя, а можетъ быть и петербургскія, комиссіи выработкою такого плана тѣмъ не менѣе занимались, хотя и безрезультатно. Дѣло въ томъ, что всѣ теоретическія построенія опровергались немедленно жизнью: переселенцы, къ всеобщему удивленію, очевидно «плевать хотѣли» на всякія распоряженія о запрещеніи, и, разъ придя въ Туркестанъ, требовали устройства внѣ всякаго общаго плана. Поэтому пришлось вновь прибѣгнуть къ старинной практикѣ по соглашеніямъ съ туземцами, причемъ нынѣ «уступалась» туземцами уже не только земля «кочевая», но и въ значительной дозѣ «осѣдлая»...

Такъ или иначе, но къ 1910 году русское земледѣльческое населеніе Туркестана достигло цифры въ тридцать пять съ лишнимъ тысячъ людей при 80 разныхъ поселкахъ и при прежней немыслимости открытія края для колонизаціи вслѣдствіе все болѣе и болѣе обострявшагося земельнаго вопроса для переселенцевъ на мѣстѣ. Къ этому времени, подъ вліяніемъ отчасти и Государственной Думы, рѣзко измѣнилось и общее отношеніе къ колонизаціонному дѣлу. Теперь—это дѣло «любимое», и вотъ, въ концѣ упомянутаго года, т. е. совсѣмъ недавно сравнительно, издается законъ, опоздавшій по крайней мѣрѣ на полъ столѣтія, т. е. какъ разъ на время состоянія Туркестана подъ русскимъ владычествомъ. Только теперь разрѣшается «излишнія» земли кочевниковъ обращать на нужды колонизаціи... Это послѣ того, какъ немалая часть подобныхъ земель отошла русскимъ крестьянамъ за деньги, послѣ того, какъ размножились сами киргизы и тѣмъ естественно сократились «излишки», столь очевидно огромные еще во времена генералъ-губернатора Кауфмана.

Но,—лучше поздно, чѣмъ никогда, и учрежденная въ Туркестанскомъ краѣ особая переселенческая организація дѣятельно принялась за отысканіе этихъ излишковъ и за устройство на нихъ множества разбросанныхъ всюду переселенцевъ. Первый годъ примѣненія новаго закона далъ свыше 100.000 десятинъ новаго колонизаціоннаго фонда при сохраненіи даже и осѣдлымъ киргизамъ гораздо болѣе крупныхъ, нежели переселенцамъ, надѣловъ. Въ слѣдующіе годы работы по образованію фонда и водворенію переселен-

цевъ вновь продолжались—не закончены онѣ и по настоящій моментъ, ибо не выясненъ еще съ точностью ни конечный размѣръ всѣхъ излишковъ въ натурѣ, ни объемъ предъявляемыхъ теперь на наличную площадь этого фонда претензій со стороны тѣхъ же «старопришедшихъ» переселенцевъ.

Поэтому и сейчасъ Туркестанъ продолжаетъ считаться «закрытымъ», хотя здѣсь идетъ уже водвореніе крестьянъ, и хотя общій планъ колонизаціи края какъ будто бы ясно намѣтился, въ связи съ перспективами также и еще новаго фонда, отличнаго отъ киргизскихъ излишковъ, быть можетъ не во всей своей площади годныхъ для земледѣлія. Это—земли буквально свободныя, никому ни на что не пригодныя, вѣками забытыя, мертвыя...

— Пустыни.

Теперь уже установлено, что имѣющейся въ запасѣ проточной водою можно оросить въ однихъ только хлопковыхъ районахъ не менѣе трехъ милліоновъ десятинъ, т. е. площадь равную существующему орошенному Туркестану. Естественно что этотъ новый, второй, Туркестанъ, требующій для своего созиданія огромныхъ затратъ русскихъ денегъ, долженъ быть заселенъ только русскими, и вотъ, въ послѣднее время уже положено начало осуществленію этой смѣлой, красивой, мечты.

А именно, по почину великаго князя Николая Константиновича, изъ рѣки Сыръ-Дарьи давно уже выведенъ каналъ «Императора Николая I», орошающій около 8 тысячъ обрабатываемыхъ русскими подъ хлопокъ десятинъ въ такъ называемой «Голодной Степи» Ходжентскаго уѣзда Самаркандской области. Голодная Степь, въ полной мѣрѣ оправдывавшая съ незапамятныхъ временъ свое имя,—теперь, въ ея орошенной частицѣ, одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Туркестана, и дальнѣйшія работы по ирригаціи направлены вновь въ эту «степь». Съ 1900 года здѣсь проводится огромный каналъ, протяженіемъ въ 37 верстъ, долженствующій пріобщить къ хлопковой культурѣ еще до 70.000 десятинъ, и вся эта площадь, по прошедшему уже черезъ Думу проекту закона, будетъ заселена только русскими.

Открытіе этого новаго, «Романовскаго», канала уже состоялось а съ тѣмъ вмѣстѣ, должно быть, оффи-

ціально пріоткроется и вообще Туркестанъ для широкой русской колонизаціи.

Вплоть до послѣдняго времени, взамѣнъ этой культурной и планомѣрной работы, мы имѣли дѣло съ сплошнымъ недоразумѣніемъ — иначе нельзя назвать непрестанное препятствованіе (допустимъ неумышленное) вселенію на дѣйствительно свободныя азіатскія земли русскихъ крестьянъ землепашцевъ. Можно было бы думать о томъ, какой элементъ подлежитъ водворенію въ краѣ, какія качества должны быть у переселенца—колонизатора.. Но объ этомъ и помину не было—Туркестанъ закрывался для всѣхъ. Очевидно, что всѣ и не шли на «закрытыя» земли, а тѣ, кто пренебрегалъ запрещеніемъ, имѣлъ либо крупныя деньги, либо совсѣмъ ничего не имѣлъ, и желалъ рисковать изъ послѣдняго. Средняго, словомъ, типа переселенца здѣсь какъ будто бы не должно было быть—по крайней мѣрѣ въ теоріи.

Какъ отразились на всѣхъ этихъ колонизаторахъ постоянные «удары судьбы», какъ они здѣсь аклиматизировались, какъ нынѣ устраиваются, и дѣйствительно ли способны создавать «новую» землю на туземныхъ основахъ—вотъ тѣ многочисленныя размышленія и вопросы, которые не могутъ не волновать соприкоснувшихся съ туркестанской дѣйствительностью.

И за этими мыслями время летитъ незамѣтно,—и вотъ ужъ «Голодная Степь»—станція въ 100 верстахъ отъ Ташкента—четыре часа скорымъ поѣздомъ.

III.

Голодная степь.—Груды скелетовъ, мертвое царство. — Пріятное разочарованіе.—Переселенческое селеніе Спасское.—Каналъ Императора Николая I.—Вода.—Церковь, школа, больница и поле.—„Шайтанъ-Арба".—Новый каналъ у Конногвардейскаго.—„Головы" старая и новая.—Экскаваторъ въ работѣ.—Жизнь кипитъ—люди болѣютъ.—Хилково.—Контрасты Европы и Азіи.—Лунная ночь. Вагонъ Пульмана.

Станція «Голодная Степь», лежитъ въ безпредѣльной одноименной равнинѣ у пересѣченія съ желѣзной дорогой канала Императора Николая I.

Казалось бы, эта Голодная Степь, расположенная въ одной широтѣ съ Мадридомъ и Неаполемъ, но исключительно континентально, а потому и дающая такія, напримѣръ, колебанія температуры по цельсію какъ + 63 и—29, должна была сразу поразить наблюдателя своей исключительной мертвенностью. Въ самомъ дѣлѣ: чего, кажется, хуже здѣшнихъ песочныхъ пустынь, а смотришь,—названія ихъ далеко не столь мрачныя, обязательно почему то красочныя; съ другой стороны, въ девріеновскомъ новомъ изданіи, посвященномъ описанію всего Туркестана, эта степь поясняется снимкомъ буквально цѣлаго моря какихъ то костей на фонѣ пустого пространства... И вдругъ—пріятное разочарованіе,—сравнительное, конечно.

Голодная Степь абсолютно мертва и безплодна лишь лѣтомъ, когда весь травянистый покровъ буквально сжигается солнцемъ. Весною здѣсь обильныя пастбища, привлекающія кочевыя стада, причемъ остатки богатой расти-

тельности замѣчаются даже теперь (начало іюля) въ видѣ безцвѣтныхъ и жалкихъ былинокъ на фонѣ сплошной желто-сѣренькой глины.

И вотъ, прежде всего именно этотъ, даже столь жалкій покровъ—нѣчто вродѣ прически желѣзнаго канцлера—выгодно отличаетъ ландшафтъ Голодной Степи по сравненію съ «цвѣтными» песками. Затѣмъ, здѣсь изрѣдка все-же виднѣются люди и притомъ, что важнѣе всего, именно русскіе, на привычныхъ нашему глазу повозкахъ. Наконецъ,—нельзя отрѣшиться отъ мысли, что Голодная Степь заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться, центромъ богатѣйшей хлопковой промышленности...

Но возможно ли вообще превращеніе подобной, дѣйствительно неприглядной по первому взгляду пустыни въ культурное и цѣнное поле? Такова ли на самомъ дѣлѣ почва въ Голодной Степи, что капля влаги превращаетъ ее въ плодороднѣйшій лессъ? Оправдываетъ ли теорія практику?

Въ томъ то и дѣло, что Голодная Степь—это во-истину мѣстность контрастовъ. Послѣ сѣрыхъ пустынныхъ пространствъ вы вступаете вдругъ въ область вліянія прорытаго «канала», и видите кипучую жизнь среди яркой и сочной природы. Это уже не фата-моргана, а созданіе русскихъ людей,—реальные поселки Духовское и Спасское, у самой станціи желѣзной дороги.

И пусть исторія развитія этихъ поселковъ отвѣтитъ на всѣ ваши вопросы.

Духовское и Спасское—типичныя русскія села, съ тою лишь мѣстной особенностью, что здѣсь почти вся земля поливается, а потому либо «обвалована», либо пересѣчена бороздами съ постоянно текущей водой. Все благосостояніе здѣсь зиждется на посѣвѣ хлопка, и вотъ какъ развивается тутъ эта культура: въ селеніи Спасскомъ, образованномъ только въ 1906 году, на третій годъ жизни въ поселкѣ хлопокъ сѣяли лишь одна десятая часть хозяевъ, а теперь восемь десятыхъ, при чемъ площадь посѣва хлопчатника приближается уже къ трети всего посѣвного пространства, т. е. къ наиболѣе выгодному соотношенію. Уже здѣсь во многихъ хозяйствахъ введены сельскохозяйственныя машины — необходимый коррективъ къ

недостатку наемныхъ рабочихъ; совершенствуется обработка полей, вездѣ сѣвооборотъ многопольный, — словомъ, подъ вліяніемъ здѣсь же лежащаго и успѣвшаго получить почетную извѣстность въ округѣ опытнаго поля, способы обработки земли уже значительно совершеннѣе нежели мѣстные, т. е. освященные едва ли не тысячелѣтнею практикою. И въ итогѣ—600 съ лишнимъ рублей чистаго дохода на десяти десятинахъ надѣла. Казалось бы, весьма недурно для переселенца, т. е. здѣсь уже небольшого помѣщика, а все вода и вода... Благополучіе по общему правилу — полное.

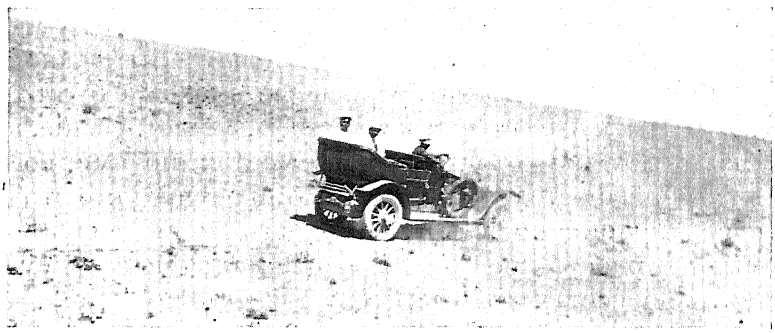
Когда я впервые увидѣлъ эти туркестанскія селенія — оазисы, исключительно живущія издалека проведенной водою и питаемыя только ею, мнѣ невольно пришла въ голову мысль: ачто, если вода не пойдетъ?.. Вѣдь можетъ же быть такой несчастнѣйшій случай, что магистральный каналъ вдругъ засорится, случится какая нибудь катастрофа, землетрясеніе, наконецъ, мало ли что. Что тогда будетъ со всѣми полями, со всей этой чудесной растительностью? Помню, что кто то изъ моихъ спутниковъ по вагону спѣшилъ меня разувѣрить: системы-де очень простыя, каждый мальчишка съумѣетъ исправить, существуютъ вѣками, случаевъ не было...

А руины городовъ среди пустыней? А остатки незапамятной древности оросительныхъ системъ въ той же Голодной Степи? Отсутствіе надлежащаго надзора за всей вообще ирригаціей?.. И уже здѣсь узнаю, что въ 1910 году для новоселовъ того же Спасскаго въ іюлѣ не хватило воды, что одинъ изъ арыковъ, приспособленный для орошенія 1200 десятинъ могъ полить только 600, что недостатокъ воды одно время здѣсь былъ постояннымъ явленіемъ вслѣдствіе несовершенства сооруженія канала Императора Николая I, которое производилось по туземному способу.

И вотъ казалось бы, что первая и главная обязанность правительства въ отношеніи нашихъ переселенцевъ на поливной землѣ въ Туркестанѣ, это—въ полной мѣрѣ обезпечить ихъ отъ подобныхъ случайностей И понятнымъ теперь дѣлается проведеніе новаго канала въ Голодной Степи съ тѣмъ, что старый въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ былое значеніе, и что система его восполняется и исправляется новымъ.

Второе бѣдствіе, сильно подорвавшее благосостояніе жителей селенія Спасскаго, какъ на зло также въ первые годы, это саранча, бороться противъ которой было почти невозможно. Въ 1908 году саранча уничтожила почти всѣ посѣвы... Но, слава Богу, съ каждымъ годомъ здѣсь ее все меньше и меньше. А рядомъ съ этимъ въ удачные годы столь огромная прибыль съ хозяйства—Розы и терніи...

Церковь, школа, больница. Странно и трогательно прежде всего видѣть здѣсь, въ самомъ центрѣ издавна магометанскаго края, ослѣпительно сверкающій золотомъ крестъ, высоко уходящій въ ярко синее небо. Каменный храмъ въ память святителя Алексія сооруженъ только въ

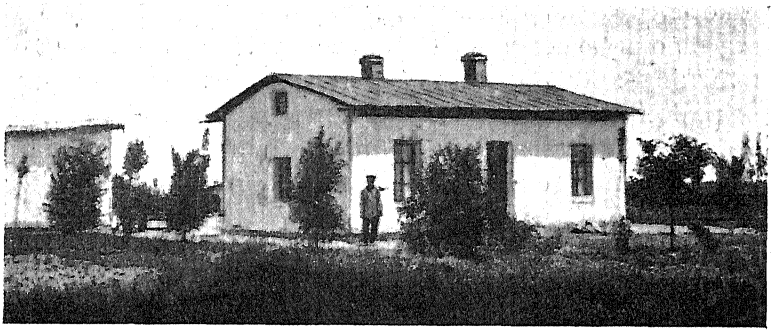
Голодная степь натуральная.

этомъ году переселенческимъ управленіемъ и является одной изъ лучшихъ церквей и наиболѣе характернымъ явленіемъ «новаго» Туркестана... Школа, больница—такъ же переселенческія, обслуживающія, однако, всѣхъ въ нихъ нуждающихся - до рабочихъ по прорытію канала включительно.

Наконецъ—тоже чисто русское дѣло—упомянутое уже «опытное» поле, не только производящее опыты, но и проводящее въ жизнь ихъ результаты, т. е. такое, которое непосредственно учитъ поселившихся здѣсь земледѣльцевъ. Послѣднее особенно важно въ Голодной Степи да и вообще въ Туркестанѣ потому, что всѣ вновь прибывающіе всегда впервые встрѣчаются съ сельско-хозяйственной мѣстной культурою; болѣе того, имъ мало извѣстны вообще здѣшнія климатическія и почвенныя условія, и, безъ авторитетнаго указанія, много силъ было бы потрачено даромъ. А глав-

ное заселеніе Голодной Степи еще впереди, и такимъ образомъ опытное поле должно будетъ явиться учителемъ многихъ поколѣній.

Окончательно провѣренные результаты дѣятельности этого поля за тринадцать лѣтъ его существованія уже сведены къ тому, что опредѣлены наилучшіе сроки посѣва и необходимое количество поливовъ хлопчатника, выяснена необходимость опредѣленныхъ удобреній, установлены раціональнѣйшіе сѣвообороты, доказана необходимость нѣкоторыхъ машинъ, введенныхъ уже переселенцами, установленъ нормальный расходъ воды на десятину, испытаны разные сорта хлопка и выяснены наи-

Голодная Степь орошенная (Спасское).

болѣе подходящіе; доказана, къ сожалѣнію, невозможность разведенія здѣсь большихъ плодовыхъ садовъ, вслѣдствіе солнцеватости почвы, и произведены наблюденія надъ условіями содержанія и разведенія улучшеннаго скота въ Туркестанѣ, надъ условіями аклиматизаціи его здѣсь и предохраненія отъ заболѣванія маляріей и особымъ видомъ карбункула.

Это, конечно, лишь главное, но говорящее достаточно ясно за то, что культурное значеніе опытнаго поля въ Голодной Степи чрезвычайно велико и значительно. Тѣмъ болѣе, что показательное вліяніе поля замѣчается не только на хозяйствѣ жителей близъ лежащихъ, собственно переселенческихъ, недавнихъ поселковъ, естественно распространяясь и на остальныя русскія селенія, устроенныя у канала еще мѣстною администрацію, — но понемногу у русскихъ

начинаютъ теперь заимствовать кое-что сарты... Такъ, все большій и большій районъ пріобщается къ высшей культурѣ...

Благодаря чрезвычайной любезности администраціи по постройкѣ новаго канала, выѣзжаю изъ Спасскаго на автомобилѣ, имѣя въ виду пересѣчь Голодную Степь этимъ способомъ передвиженія, и затѣмъ уже вновь сѣсть на поѣздъ. Впечатлѣніе отъ этой поѣздки совершенно своеобразное.

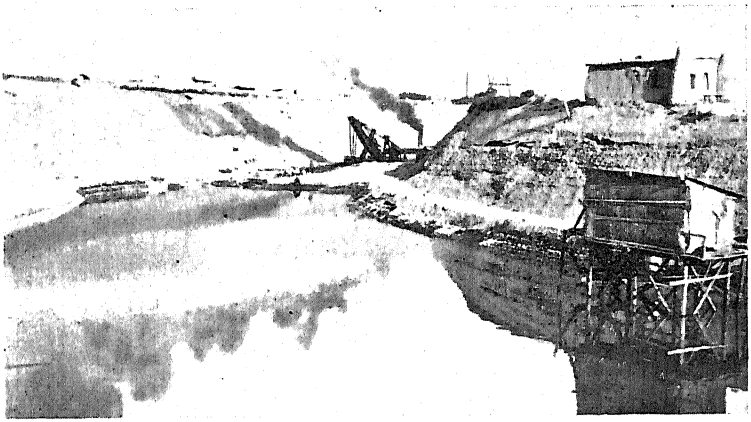
Представьте себѣ, прежде всего, жару въ 47 градусовъ (по реомюру) при абсолютнѣйшемъ штилѣ; затѣмъ, какъ я уже говорилъ, безграничную сѣрую глину, гладкую какъ асфальтъ и ровную всюду «какъ скатерть». Наконецъ—40 сильную «шайтанъ-арбу» (чортову повозку), бѣшено мчащуюся по этой равнинѣ почти безъ всякихъ дорогъ, напрямки, со скоростью «минута-верста», — и вы можете, при извѣстномъ воображеніи, считать себя прокатившимися по Голодной Степи.

При этомъ вы неминуемо наслаждаетесь стремительнымъ «пожираніемъ» пространства, не обращая рѣшительно никакого вниманія ни на отсутствіе кругомъ веселящаго взоръ ландшафта, ни на жару, умѣряемую быстротою, ни на пыль, умудряющуюся васъ окутывать какъ то подло, сзади и сбоку, ни даже на то, что у шоффера, какъ выяснилось, наступилъ пароксизмъ маляріи, и что ваша жизнь такимъ образомъ достаточно явно въ опасности. Вы упиваетесь только движеніемъ, быстрымъ, какъ полетъ птицы, и только его ощущаете.

Полчаса, и въ 25 верстахъ къ востоку отъ Спасскаго поселокъ Конногвардейскій—будущій центръ всего воднаго управленія въ Степи—одинъ изъ семи «старыхъ» русскихъ поселковъ, образовавшихся на поливныхъ земляхъ канала еще въ девяностыхъ годахъ, и одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ (послѣ сосѣдняго «Романовскаго»). Отсюда именно новый каналъ, идущій своей магистралью съ юга почти параллельно со старымъ и развѣтвляющійся здѣсь на двѣ вѣтви, начнетъ давать воду для орошенія одной обслуживаемой части степи — вдоль высокаго берега рѣки Сыръ-

Дарьи, и другой—черезъ Спасское къ сѣверо-западу. Тутъ же старый каналъ, кажущійся совсѣмъ примитивнымъ, но съ зелеными, живыми берегами, тогда какъ грандіозныя выемки новаго пока безводны, т. е. безжизненны — шлюзы въ іюлѣ еще не открылись.

Вдоль новаго канала,—такъ сказать вверхъ по теченію,—то въ виду его готоваго русла, то сравнительно далеко отъ него, мчимся мы вновь по равнинѣ. Минуемъ селеніе Никольское, и затѣмъ направляемся непосредственно къ югу, къ головнымъ сооруженіямъ каналовъ.

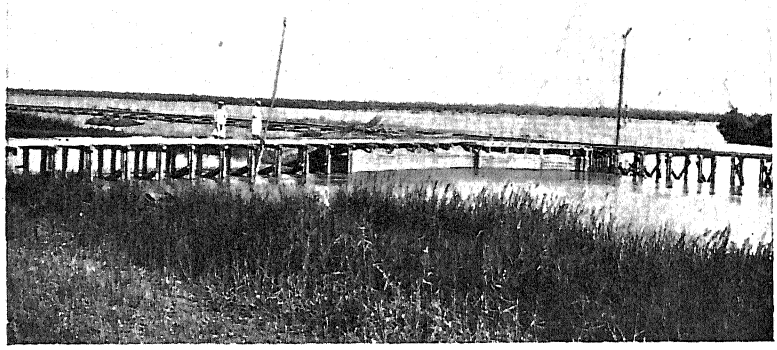

Постройка новаго канала. Вдали—экскаваторъ.

Кружнымъ путемъ верстъ 50 и мы у выхода изъ Сыръ-Дарьи канала Императора Николая I. Если вамъ приходилось когда нибудь видѣть большія запруды у мельницъ, то едва ли не то же и здѣсь. Рядъ островковъ на рѣкѣ, соединенныхъ между собою плотинами, задерживаютъ воду въ протокѣ между островами и берегомъ, и такимъ образомъ вода загоняется въ каналъ. Вотъ и вся система головного сооруженія канала; деревянныя сваи, простые регуляторы для впуска воды, опрокинутая лодка — безлюдье. Это — орошеніе туземнаго типа—ирригація старая.

Новое орошеніе возглавляется сооруженіемъ дѣйствительно грандіознымъ—послѣднее слово русскаго инженернаго искусства. Плотина, черезъ которую нынѣ ужъ хлынула вода изъ Сыръ-Дарьи въ новый каналъ—это огром-

ная масса камней, бетона, желѣза, — это массивная стѣна со множествомъ шлюзовъ для впуска воды, столь легко регулируемыми, что простое движеніе рукою, и въ каналъ не попадетъ больше капля. Пока вода еще не пропущена,—страшно высокой кажется эта плотина со стороны канала; со стороны рѣки—обыкновенное прегражденіе. Не даромъ хозяева инженеры съ любовью поясняютъ детали: ихъ созданіе не только прекрасно, и прочно построено, оно—лучшій памятникъ здѣсь европейской культурѣ, достойная эмблема новаго Туркестана. И это въ полной мѣрѣ сооруженіе русское, такъ какъ почти всѣ строительные ма-

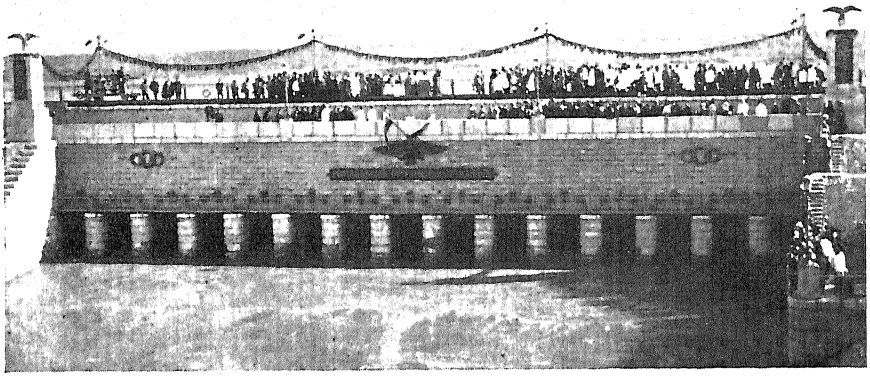
Головное сооруженіе „стараго“ канала въ Голодной Степи.

терьялы—песокъ, цементъ, лѣсъ, антрацитъ и часть нефти доставлялись изъ центральныхъ нашихъ губерній, и даже берега Днѣпровскіе представлены здѣсь прекраснымъ гранитомъ. Не говоря уже о томъ, что рабочими здѣсь были почти исключительно наши крестьяне.

Какъ разъ при мнѣ, въ іюлѣ, спѣшно шли уже послѣднія работы. На плотинѣ не достаетъ мелочей, украшеній, и окончательно выравнивается дно головной части канала—зрѣлище весьма любопытное. Работу эту, производитъ желѣзное чудовище «экскаваторъ», т. е. огромная землечерпалка, захватывающая въ свой единственный ковшъ единовременно кубическую сажень земли и подающее эту порцію своимъ собственнымъ хоботомъ - краномъ — на здѣсь же стоящія вагонныя платформы. За 30 минутъ напол-

няется такъ цѣлый поѣздъ, въ нѣсколько десятковъ платформъ—результатъ работы трехъ людей на машинѣ.

Жизнь бьетъ ключемъ на постройкѣ, энергіи у строителей много, и не хватаетъ одного лишь—здоровья. Пребываніе въ теченіе нѣкоторыхъ лѣтъ близъ воды, въ банной почти атмосферѣ, при обиліи гніющихъ камышей и гнѣздящихся въ нихъ комаровъ, заболѣваніе маляріей почти обязательно, и вотъ почему въ лицахъ новыхъ знакомыхъ я вижу и излишнюю блѣдность, и лихорадочный блескъ иныхъ глазъ... Однако, какъ теперь выясняется, нездоровая

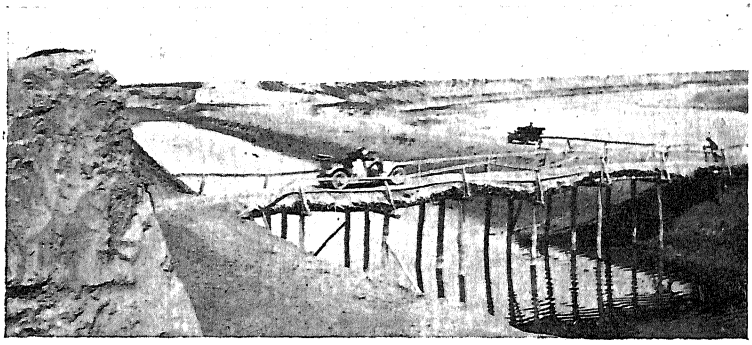

Новый каналъ—Романовскій—передъ открытіемъ.

мѣстность расположена лишь именно здѣсь, у головного сооруженія, на всемъ же остальномъ протяженіи канала, гдѣ и будутъ теперь осѣдать переселенцы, по опыту уже старыхъ поселковъ маляріи не наблюдается.

Кстати о старыхъ поселкахъ. Побывать во всѣхъ мнѣ не удалось, но, слышно, что живутъ въ нихъ крестьяне не дурно. Однако, чтобы не быть голословнымъ, приведу здѣсь общую характеристику условій переселенческой жизни въ Голодной Степи, данную еще въ 1903 году казалось бы безпристрастнымъ и авторитетнымъ изслѣдователемъ: «...Есть полное основаніе утверждать, что въ отношеніи естественныхъ условій поселки въ Голодной Степи поставлены скорѣе въ исключительно благопріятныя для даннаго района условія: кромѣ поливныхъ земель, въ надѣлахъ этихъ поселковъ

имѣются естественные луга и тугаи, представляющіе собою превосходный выпасъ для скота и частью используемые даже для посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія. Въ исключительно благопріятныя условія поставлены, наконецъ, эти поселки въ отношеніи заработковъ, благодаря непрекращающимся работамъ по сооруженію ирригаціонныхъ каналовъ, а также сбыта продуктовъ, въ особенности продуктовъ животноводства»... *

Одинъ изъ контрастовъ въ Голодной Степи.

Нечего и говорить, конечно, что въ Голодной Степи процвѣтаютъ и 12 сартовскихъ селеній, питающихся тѣмъ же старымъ, но русскимъ каналомъ, на небольшой сравнительно площади (до 5 тысячъ десятинъ, въ общемъ).

Осмотръ всевозможныхъ интересныхъ вещей на каналѣ занялъ порядочно времени, пролетѣвшаго совсѣмъ незамѣтно, и уже поздно вечеромъ, на томъ же автомобилѣ, меня доставили на станцію Хилково, Андижанской вѣтки Среднеазіатской желѣзной дороги. Такимъ образомъ, вмѣсто душнаго томленія въ вагонѣ я провелъ поучительный день въ гостепріимной Голодной Степи.

И какъ благодаренъ я случаю, давшему мнѣ возможность пересѣчь эту степь именно автомобилемъ. Потому,

---

* А. А. Кауфманъ. „Къ вопросу о русской колонизаціи Туркестанскаго края". Отчетъ по командировкѣ. Изд. Деп-та государственныхъ земельн. имуществъ СПБ. 1903, стр. 7.

прежде всего, что проѣздъ непосредственно вдоль живительной водной артеріи заставилъ реальнѣе чувствовать тѣ перспективы Голодной Степи, которыя предстоитъ осуществить именно русскимъ, а затѣмъ, и между прочимъ—совершенно непередаваемо сильно ощущеніе контраста, который вы чувствуете, пролетая на этой «шайтанъ-арбѣ» мимо мѣрно идущихъ верблюдовъ, съ недоумѣніемъ на васъ взирающихъ, мимо здѣшнихъ туземцевъ-людей въ ихъ экзотическихъ чалмахъ и халатахъ.

Встрѣчная женщина спѣшитъ обернуться къ вамъ спиной и опустить покрывало—таковъ древній обычай, предписываемый шаріатомъ; но когда вы пробираетесь по узкому переулку кишлака, т. е. селенія туземнаго, и даете вдругъ громкій гудокъ,—вы обязательно увидите изъ за какой нибудь стѣнки личико молодой и веселой сартянки: любопытство превозмогло всѣ законы. А вечеромъ, при полной лунѣ проѣзжать древніе кишлаки буквально одно наслажденіе: всѣ они построены такъ, что на улицу оконъ не видно, и вотъ вы мчитесь этимъ лабиринтомъ сверкающихъ лунными искрами таинственныхъ глиняныхъ стѣнъ, чувствуя скрытую еще для европейцевъ интимную жизнь за оградой. Тишина абсолютная, — лишь тявкнетъ случайно собака, да и та вмигъ сконфузится, смолкнетъ...

Какимъ неприглядным показался мнѣ послѣ этого вагонъ, хотя бы и пульмановскій!

IV.

Бардъ андижанскихъ окрестностей—султанъ и завоеватель Бабуръ.—Лучшія груши на свѣтѣ и фазаньи ноги въ два пуда.—Времена измѣнились не къ лучшему.—Современное достоинство города. И то не совсѣмъ абсолютное.—Необходимость „содѣйствія". — Къ востоку на обыкновенномъ извозчикѣ.— Кишлаки, чай-ханы и сюжеты библейскіе.—Красоты природы и мысли о возвращеніи на родину.—Переправа черезъ „Черную" рѣку. 15 верстъ на арбѣ.—Джелалабабъ и гробница пророка Аюба.— Курортъ.— Видъ на долину Кугарта.—Дальнѣйшій путь по аллеѣ...

Лучше всего и поэтичнѣе всего былъ воспѣтъ Андижанъ—теперешній уѣздный городъ Ферганской области и конечный восточный пунктъ Средне-азіатской желѣзной дороги—еще въ XVI вѣкѣ знаменитымъ султаномъ Бабуромъ, завоевателемъ Индіи и основателемъ имперіи великихъ монголовъ, сдѣлавшимъ этотъ городъ даже столицей для всей Ферганы.

Въ самомъ дѣлѣ, подумайте: по словамъ султана Бабура, Андижанъ, помимо общихъ прекрасныхъ условій, славился дивными фруктами, особенно грушами—«лучшими въ мірѣ», а также дынями и виноградомъ; дичи въ окрестностяхъ водилось огромное множество, особенно жирныхъ фазановъ; послѣдніе были такъ велики, что четыре человѣка не могли справиться съ одною ногою фазана!..

Не безъ нѣкотораго священнаго трепета подъѣзжалъ я къ столь чудесному мѣсту... Но да проститъ мнѣ Бабуръ: Андижанъ—городишка прескверный, — по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія современнаго европейца-туриста.

Онъ, какъ и всякій здѣсь городъ—состоитъ изъ двухъ частей—туземной и русской, съ населеніемъ въ пропорціи 40:1. Въ старомъ городѣ, къ удивленію, ни одного памятника старины, въ новомъ—абсолютно ничего замѣчательнаго кромѣ отвратительныхъ гостинницъ со столичными цѣнами, еще удваиваемыми, по слухамъ, въ сезонъ, т. е. осенью, когда съѣзжаются сюда представители фирмъ изъ Москвы и совершаются хлопковыя сдѣлки.

На востокъ отъ Андижана.

Пыль, жара страшная. Ищу хваленые фрукты, — пожалуйте на туземный базаръ, гдѣ грязь до того возмутительна, что сначала отказываюсь отъ всякой покупки. Постепенно, однако, привыкаю и къ этому, слегка утѣшаясь сознаніемъ, что палящее солнце хоть немного дезинфекцируетъ, и въ результатѣ накупаю и грушъ, и винограду, и персиковъ. Любопытная подробность: купили вы фруктовъ и несите какъ знаете; въ лучшемъ случаѣ вамъ дадутъ «листикъ» бумаги. За бумажный мѣшокъ плата особая...

Андижанскія груши (въ іюлѣ)—однѣ изъ худшихъ на свѣтѣ (быть можетъ осенью совершенно обратно); виноградъ—значительно «ниже средняго» качества, но что дѣйствительно вкусно и совершенно своеобразно—это мѣстные персики, не крупные, съ бѣлой кожицей, до того нѣжные, что пятиминутное лежаніе на блюдѣ уже даетъ отпечатокъ... Этотъ фруктъ великолѣпенъ во истину.

Нечего и говорить, что о фазанахъ теперь нѣтъ и помину; по крайней мѣрѣ въ русскихъ гостинницахъ. Словомъ, данныя XVI вѣка нужно вообще признать устарѣвшими.

Главное современное достоинство Андижана заклю-

чается, по моему, въ томъ, что, не считая, конечно, его значенія въ хлопковой промышленности,—отсюда очень удобно продолжать путешествіе: каковы бы ни были цѣли послѣдняго, вы можете удовлетворить любую, слѣдуя изъ этого города—центра дорогъ—въ разныя части Ферганы, въ Семирѣчье, на Памиръ и въ Кашгаръ, не считая ближайшихъ экскурсій.

При всемъ томъ, уѣхать изъ Андижана весьма затруднительно, если, конечно, вы не хотите это сдѣлать шаблонно, т. е. по желѣзной дорогѣ, на западъ. Первый вопросъ - въ лошадяхъ, и въ обезпеченіи дальнѣйшихъ запряжекъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь не существуетъ никакой земской почты, никакихъ обязательствъ со стороны кого бы то ни было доставлять лошадей даже чиновникамъ. И вотъ, вамъ грозитъ перспектива, доѣхавъ благополучно до какого нибудь кишлака верстъ за 300, либо зазимовать въ послѣднемъ, либо выложить едва ли не сотню рублей за доставку до ближайшаго, хотя бы въ 20 верстахъ, слѣдующаго. И примѣры, подобные этому, хотя и не столь безнадежные, бывали здѣсь вовсе нерѣдко какъ на зло съ людьми самыми бѣдными.

Иное дѣло—ѣхать «съ содѣйствіемъ», когда о вашемъ проѣздѣ предупреждаются волостные старшины, на которыхъ и возлагается забота по отысканію лошадей и повозокъ. Тогда благополучность путешествія болѣе или менѣе обезпечивается, и вамъ остается только благодарить мѣстную уѣздную администрацію за любезность, справедливо оказываемую повидимому часто и многимъ, По крайней мѣрѣ подобнымъ «содѣйствіемъ» и я успѣлъ заручиться.

Три часа дня. Солнце палитъ невыносимо, на улицахъ Андижана пустынно, и вотъ, пока на извозчикѣ, уѣзжаю къ востоку, по направленію къ Ферганскимъ отрогамъ, бѣлѣющимъ гдѣ то вдали своими снѣговыми вершинами. Говорятъ, тамъ есть русскіе люди, типичные туркестанскіе переселенцы, на излишкахъ киргизскихъ кочевьевъ,—будто тамъ именно, вдалекѣ отъ желѣзной дороги и городскихъ поселеній, интереснѣе всего наблюдать образованіе «новаго» Туркестана...

Дорога, несмотря на жару и на пыль, чрезвычайно пріятная и интересная. Вы ѣдете сплошными аллеями то-

полей и карагачей (собственно «чернаго дерева» — вяза), все время какъ бы однимъ кишла комъ; промежутки между жилищами почти незамѣтны, и лишь изрѣдка какой либо бугоръ рѣзко дѣлитъ два крупныхъ селенія. Въ этомъ случаѣ съ возвышенія открывается видъ буквально великолѣпный, такъ какъ безконечную зелень кругомъ окаймляютъ огромныя горы. Справа, на югѣ, параллельными грядами, вздымающимися подобно гигантскимъ кулисамъ, возвышается Алайскій хребетъ, отдѣльныя снѣговыя вершины котораго значительно выше Монблана. Прямо, на востокѣ, и слѣва—на сѣверѣ—снѣговыя вершины Ферганскія, и кажется, будто все это близко—рукою подать.

Сами по себѣ кишлаки попадаются съ прекрасными зданіями, конечно, въ туземномъ стилѣ—все внутрь, а наружу лишь стѣны. Женщинъ не видно, или встрѣчаются рѣдко, подобныя тѣнямъ, съ черными, конскаго волоса, сѣтками на головахъ, мужчины же всѣ—въ «чай-ханахъ», т. е. въ мѣстныхъ открытыхъ трактирахъ, гдѣ подается исключительно чай, и гдѣ, сидя «по турецки» на широкихъ подмосткахъ, сарты умудряются проводить цѣлые дни въ самую страдную пору. Такихъ чай-хана въ каждомъ кишлакѣ нѣсколько; тутъ совершаются сдѣлки, это клубъ для туземнаго жителя, гостиница—все что хотите.

Полное отсутствіе естественной влаги, а наряду съ этимъ – всюду вода и вода въ широкихъ и узкихъ арыкахъ, проведенныхъ по всѣмъ направленіямъ, причемъ ее не жалѣютъ туземцы—по крайней мѣрѣ дорога неустанно поливается изъ обочныхъ канавъ. Въ общемъ ландшафтъ совершенно особый, яркій по краскамъ, стильный. Иные сюжеты и группы удивительно напоминаютъ библейскіе, но вотъ изъза поворота вылетаетъ въ чалмѣ и халатѣ сартъ на... велосипедѣ, и со звонкомъ быстро катитъ куда-то. Все обаяніе Востока пропало...

На исходѣ перваго перегона, когда солнце ужъ начало сильно склоняться къ западу, жара спала, а воздухъ сдѣлался особенно прозрачнымъ и чистымъ, далеко впереди намъ на встрѣчу показалось человѣкъ десять всадниковъ. Приближаются полнымъ карьеромъ, совсѣмъ вдалекѣ еще спѣшиваются, и лишь одинъ продолжаетъ скакать, сломя голову. Все ближе, ближе, и только передъ

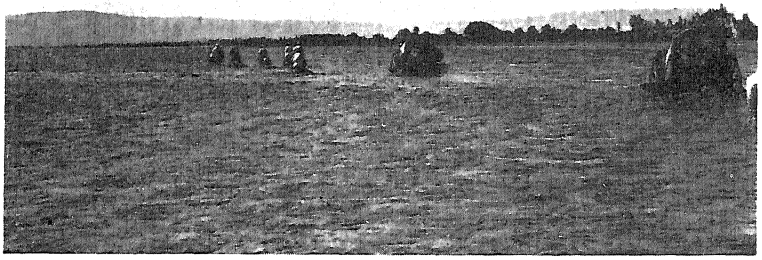
самымъ моимъ экипажемъ также слѣзаетъ съ коня—толстый, какъ бочка, пожилой и почтеннѣйшій сартъ. Оказывается—это самъ волостной управитель, получивъ бумагу объ оказаніи «содѣйствія», долгомъ счелъ встрѣтить меня на границѣ своей волости и проводить до другой. Всѣ остальные—«джигиты», т. е. конвой—исключительно для почета проѣзжему. И вотъ, послѣ первыхъ привѣтствій, мы уже ѣдемъ съ эскортомъ, одинъ видъ котораго заставляетъ всѣхъ встрѣчныхъ издалека еще останавливаться, складывать по восточному руки и низко склоняться въ поклонѣ... Ни дать, ни взять путешествіе султана Бабура!

Въ Курганъ-тюбе́,—кишлакѣ, до котораго нанятъ былъ андижанскій извозчикъ, въ ожиданіи лошадей дѣлаю честь дастархану—угощенію изъ фруктовъ, изюма, орѣховъ, и любуюсь наступленіемъ вечера. Первое удовольствіе—на голодный желудокъ—весьма своеобразное; второе, зато, абсолютное. Вся западная половина неба, послѣ заката солнца за фіолетово-сѣрые горные кряжи, становится все желтѣй и блестящѣе, переходя постепенно къ зениту въ свѣтло сиреневый тонъ; другая половина небесной чаши—сиренево-розовая,—и горы съ каждой минутой чернѣе. Но вотъ медленно всходитъ луна, и снѣга на вершинахъ начинаютъ поблескивать: картина замѣчательная, въ своемъ цѣломъ, такъ бы и не оторвался отъ ея созерцанія.

Однако же, черезъ какой нибудь часъ я и думать забылъ о красотахъ природы, настолько не считалъ обезпеченнымъ свое возвращеніе на родину...

— Переправа черезъ Кара-Дарью! Еще задолго до этой рѣчки, берущей свое начало на Ферганскомъ хребтѣ и образующей потомъ Сыръ-Дарью, намъ былъ слышенъ будто шумъ водопада, и осущалось особая свѣжесть. Шумъ постепенно усиливался, и вотъ моя повозка уже громыхаетъ по камнямъ, замѣняющимъ здѣсь наши рѣчные заливные луга. Страшно широкое мѣсто захватываетъ Кара-Дарья—«черная рѣчка»—въ своемъ половодномъ движеніи; едва виденъ бываетъ тогда противоположный берегъ, а затѣмъ, мало-по-малу, потокъ уменьшается и обнажаетъ съ боковъ громадные, занесенные Богъ вѣсть откуда, булыжники. Ѣхать по нимъ—сущее наказаніе, идти еще хуже, но главное все—впереди.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы подъѣхали къ самому берегу рѣчки, и я почувствовалъ, именно скорѣе почувствовалъ, а не услышалъ или увидѣлъ, ея стремительность. Ощущеніе такое, что подъ вами все движется—очевидно иллюзія, внушаемая слуховымъ воспринятіемъ того, какъ дѣйствительно шуршатъ и трутся другъ о друга влекомые камни, какъ бурлитъ между ними вода и обтачиваетъ. Сейчасъ уже не половодье, но огонекъ на другомъ берегу еле видится - извольте-ка переправляться...

Переправа черезъ Кара-Дарью.

Какъ?—Отдавайтесь въ полное распоряженіе сартамъ, что-то между собою лопочущимъ, возящимся съ какими то лошадьми, что то налаживающимъ. И эти сарты сдѣлаютъ слѣдующее.

Они заставятъ васъ взлѣсть на арбу, т. е. на примитивнѣйшую двуколку съ саженными колесами ухватиться руками за толстый канатъ, ибо иначе вы сразу же свалитесь въ воду, и совершенно голый туземецъ, верхомъ на конѣ, запряженномъ тою же самою вашей арбою, съ воплемъ «Алла!» двинется съ вами въ пучину...

Лишь только колеса арбы спустились основательно въ воду, васъ начинаетъ бросать нѣсколько больше, чѣмъ вы бы хотѣли. Потокъ васъ несетъ непосредственно внизъ по теченію, лошадь идетъ на косую, и платформа-арба, подъ которой все движется, трещитъ и трясется по всѣмъ направленіямъ. Вы смотрите въ одну точку впередъ, стараясь сидѣть хладнокровно; вы чувствуете, однако, что еще немного, голова закружится, и вы не усидите, какъ ни вцѣпились въ канатъ; лошадь уже не идетъ, а подпрыгиваетъ,

полу-задушенная, повозку еще больше относитъ,—азіатъ кричитъ какъ ужаленый, вы сознаете кругомъ васъ хаосъ и абсолютное отсутствіе помощи...

Я лично былъ крайне доволенъ, когда кончилась эта «стильная» переправа, и меня сняли съ арбы съ перетертыми до крови руками...

А между тѣмъ не хотѣлось потомъ уходить отъ рѣки, до того великолѣпна она въ лунномъ сіяніи, бурная, переливающаяся міріадами искръ, ворочащая страшныя тяжести. И, вѣроятно, мое восхищеніе раздѣляло не мало туземцевъ, расположившихся въ чай ханѣ тутъ же, на берегу подъ огромными ивами, и живописно дополнявшими общую картину.

Но нужно слѣдовать дальше, а лошадей и повозки все нѣтъ. Оказывается, что лучшія лошади и, главное, всѣ экипажи пошли только что «подъ губернатора», и «содѣйствіе» здѣсь ужъ безсильно, такъ какъ въ отъѣздѣ и власти. Съ неимовѣрнымъ трудомъ объясняемся по этому поводу съ какимъ то не то старостой, не то десятникомъ, и въ результатѣ садимся въ арбу, на этотъ разъ уже крытую, и такъ обрекаемъ себя на 15 верстное, до ночевки, трепаніе.

Боже, до чего томителенъ и жестокъ этотъ туземный способъ передвиженія! Три съ половиной часа мы протащились шагомъ, съ негодованіемъ отвергая всякую попытку возницы ускорить движеніе до рыси, и тѣмъ насъ разбить окончательно; но наконецъ мы въ большомъ кишлакѣ—Джелалабадѣ, ярмарочномъ центрѣ для всей округи, и мѣстѣ, въ частности, нашей ночевки.

Джелалабадъ расположенъ въ долинѣ Кугарта—одного изъ притоковъ Кара-Дарьи, въ мѣстности уже достаточно возвышенной, замѣчательно красивой и выигрывающей уже потому, что смотрѣть на нее можно и сверху.

А именно, у самаго Джелалабада возвышается небольшая гора — около 4.000 футовъ надъ уровнемъ моря,— на которую необходимо подняться, такъ какъ на вершинѣ этой горы находятся извѣстные въ краѣ теплые и холодные сѣрные и желѣзные источники, привлекающіе множество туземцевъ для пользованія купаніемъ и поклоненія гробницѣ туземнаго пророка Іова (Хазретъ-Аюба).

По преданію, этотъ пророкъ исцѣлился отъ проказы именно здѣшними водами, а послѣ того здѣсь же скончался.

Воздухъ и природа на вершинѣ горы восхитительные, съ обрыва же на верху, близъ котораго и находится могила Аюба, открывается дивный видъ на долину—всю золотисто-зеленую, съ безчисленными группами пирамидальныхъ тополей, съ серебряной лентой по срединѣ—Кугартомъ,—и на далекія Арысланбобскія горы. Даже для одного этого стоило сюда подниматься, но есть еще здѣсь, какъ оказывается, и другія любопытныя вещи. Напримѣръ, священный камень для женщинъ, почему либо дѣтей не имѣющихъ. Стоитъ этотъ камень ребромъ, продолговатый и плоскій, на особомъ большомъ пьедесталѣ, окруженный стѣнами, какъ гробница пророка; всякой больной разрѣшается за извѣстную мзду здѣшнимъ мулламъ, сѣсть верхомъ на него и молиться... Масса паломницъ стекается къ этому камню, и, говорятъ, помогаетъ...

У цѣлебныхъ источниковъ устроенъ военный лазаретъ, и вообще, кромѣ туземцевъ, здѣсь не мало русскихъ больныхъ, а потому и пользованіе купаньями обставлено нѣкоторыми удобствами, хотя и далеко не достаточными. Ванное заведеніе во всякомъ случаѣ есть, и содержится оно достаточно чисто. Говорятъ, что совсѣмъ въ скоромъ времени къ Джелалабаду будетъ подведена желѣзная дорога. Тогда, надо думать, на этотъ туземный курортъ будетъ обращено должное вниманіе, и, быть можетъ, онъ расцвѣтетъ и прославится.

А видъ, повторяю, на долину Кугарта такой, что за «днѣпровскія дали» обидно.

Спустившись съ горы, направляемся вверхъ по долинѣ, но уже не сплошными селеніями, а дорогой, обсаженной вязами. Сначала это прекрасная алея, но чѣмъ дальше, тѣмъ деревья становятся рѣже, и виднѣются короткіе пни: кто то рубитъ здѣсь эту мѣстную цѣнность, старательно культивируемую сартами. Неужели киргизы, ибо мы въѣзжаемъ на ихъ территорію?..

V.

Исторія появленія русскихъ въ Кугартской долинѣ. — Исключеніе изъ общаго правила.—Частичное открытіе края.—Позднѣйшія разочарованія.— Азіаты и поселокъ Ивановскій. — Неестественный приростъ населенія.— Жизнь привольная, хлѣба достаточно.—Тяжелыя времена миновали.—Пѣсня хохлацкая.— Водка въ селеніи Михайловскомъ.—Урокъ порядка и аккуратности.—Въ тупикѣ Кугартской долины.—Поселокъ Дмитріевскій. — Любино.—Киргизы вверху--внизу русскіе.—Значеніе Кугартской долины для заселенія мѣстности русскими.

Исторія появленія русскихъ въ Кугартской долинѣ, обнаруживая характерныя черты общей туркестанской колонизаціи недавняго прошлаго, имѣетъ однако свои особенности и заключается въ слѣдующемъ.

Послѣ подавленія андижанскаго возстанія, туркестанская администрація сильно призадумалась надъ усиленіемъ русскаго элемента въ краѣ, и элемента не городского только, но главнымъ образомъ сельскаго. Это было въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда «легче верблюду было пройти чрезъ игольное ушко», нежели легальному переселенцу водвориться на поляхъ Туркестана, за полнымъ оффиціальнымъ отсутствіемъ свободныхъ казенныхъ земель. Но вопросъ былъ поставленъ достаточно остро, колонизація Андижанскаго уѣзда нашими крестьянами признавалась уже теперь «одною изъ мѣръ, направленныхъ къ предотвращенію въ будущемъ проявленія мятежныхъ стремленій среди туземнаго населенія»,—и вышло такъ, что вдругъ сартовское Сузакское общество при поземельно-податныхъ работахъ отказалось отъ тысячи съ лишнимъ десятинъ

земли, расположенной вдоль берега рѣки Кугарта...

Такимъ исключительнымъ случаемъ въ практикѣ поземельно-податныхъ учрежденій—нахожденіемъ свободной земли—немедленно, конечно, воспользовались, и въ 1899 году здѣсь основанъ былъ первый русскій поселокъ, а въ 1900-мъ — второй, частью изъ крестьянъ, проживавшихъ раньше въ сосѣдней Сыръ-Дарьинской области, частью же изъ запасныхъ солдатъ мѣстныхъ войскъ и только что пришлыхъ переселенцевъ. Земля была прекрасная—наполовину поливная, наполовину «богарная», т. е. орошаемая естественной влагой, дождями, – и слухъ о подобномъ событіи быстро разнесся не только среди русскаго населенія края, но и далеко за предѣлами Туркестана.

Ферганская киргизка.

Прежде всего, конечно, этимъ были смущены переселенцы особаго типа — срывающіеся съ любого мѣста по первому же, хотя бы и вздорному, слуху о необыкновенной привлекательности какого-нибудь «зеленаго клина», «китайской щели», или невѣдомаго острова на Аральскомъ морѣ «около самой низаціи» (колонизація!). Привыкнувъ къ скитаніямъ изъ поселка въ поселокъ, побывавшіе едва ли не во всей Азіатской Россіи и нигдѣ не ужившіеся, эти своеобразные номады-искатели новаго золотого руна одни изъ первыхъ явились и въ долину Кугартскую,—къ счастью не многочисленные. За ними стали здѣсь осѣдать бывшіе мѣстные солдаты—запасные, и, наконецъ, тяжелымъ обозомъ потянулись «настоящіе» переселенцы, ищущіе земли для работы и хлѣба, вызванные быть можетъ даже и письмами водворенныхъ.

Вся эта куча людей пришла въ Фергану къ тому времени, когда упомянутое исключеніе изъ общаго правила, въ видѣ «свободной» земли, было совершенно исчерпано, когда первое впечатлѣніе отъ возстанія прошло, и когда мѣстъ для русскихъ въ долинѣ официально ужъ не было: въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Тѣмъ не менѣе даже самъ губернаторъ говорилъ вновь прибывшимъ, что земли въ

натурѣ имѣются, и дѣйствительно въ той же долинѣ имъ указывались богарныя площади. Переселенцы, ничто же сумняшеся, занимали «разрѣшенныя» земли, понемногу ихъ обсѣменяли, строили хаты и службы, словомъ начинали обживаться, и на судьбу не роптали. До тѣхъ поръ, однако, пока не оказалось, что осѣли они на киргизской (формально) землѣ, и что «хозяева» заявляютъ претензіи.

Нѣкоторые крестьяне стали платить небольшія суммы за пользованіе, другіе, побѣднѣе, отказались, — третьи начали спорить. Въ результатѣ многочисленныхъ дрязгъ, губернаторъ въ 1907 году сталъ просить высшія власти принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго наплыва въ Ферганскую область крестьянъ изъ Россіи *, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ нужнымъ и устроить самовольно обжившихся.

Послѣднихъ оказалось въ трехъ уже вновь возникшихъ поселкахъ 453 семьи—около 2200 душъ обоего пола, изъ коихъ, правда, лишь 325 семей имѣли право ** на водвореніе; что же касается до оформленія ихъ земельныхъ отношеній къ киргизамъ, то было рѣшено пріобрѣсти необходимую землю. Но такъ какъ купить таковую, считающуюся казенною собственностью и состоящею лишь въ пользованіи у киргизовъ кочевниковъ, для той же казны представлялось немыслимымъ, то придумано было иное. А именно, за уступку 6.300 десятинъ, уже занятыхъ переселенцами, киргизамъ казною было заплочено 136 000 рублей, зачисленныхъ за переселенцами въ качествѣ безпроцентнаго долга—ссуды на домообзаводство. Такимъ образомъ, за право остаться на казенной землѣ крестьяне должны были уплатить по 20 рублей съ десятины, не пріобрѣтя на эту землю никакихъ большихъ правъ, нежели переселенцы повсемѣстно, т. е. получивъ ее лишь безсрочное пользованіе.

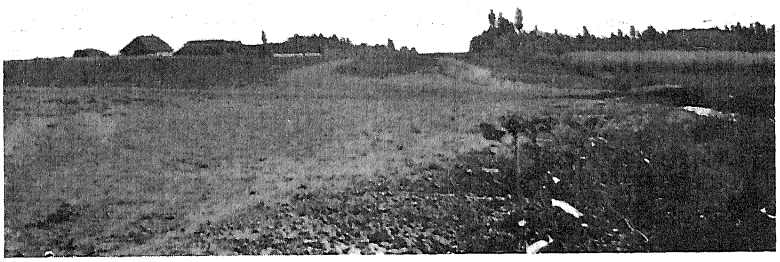
---

* Данныя по колонизаціи Кугартской долины взяты главнымъ образомъ изъ служебнаго отчета Н. А. Гаврилова „Переселенческое дѣло въ Туркестанскомъ краѣ". СПБ. 1911 г.

** Замѣчательно то, что при всей едва ли не герметической закупоркѣ Туркестана для переселенія, въ „соотвѣтствующихъ" случаяхъ все же примѣнялся законъ, опредѣлявшій права на переселеніе въ означенный край. Для этого нужно быть, напримѣръ, православнымъ, крестьяниномъ и т. д.

И всѣ, конечно, на это пошли, такъ какъ слишкомъ много здѣсь было уже затрачено энергіи и даже денегъ,—слишкомъ невыгодно было бы вновь сниматься съ освоенныхъ мѣстъ.

Такъ образовались селенія Ивановское (бывшее Кокъ-Янгакъ), Михайловское (бывшее Джиригиталъ) и Дмитровское (бывшее Таранъ-Базаръ)—первое въ 15 верстахъ отъ Джелалабада, соединенное съ нимъ аллеей изъ немногихъ остающихся вязовъ...

Общій видъ селенія Ивановскаго.

Около этой дороги посѣвы уже не хлопчатника, а самой обыкновенной пшеницы, кубанки; нѣтъ уже безконечныхъ арыковъ,—Россія да и только, если бы не горы съ обѣихъ сторонъ, да не встрѣчные азіаты на лошадяхъ и на осликахъ.

Съ большимъ удовольствіемъ подъѣзжаю къ Ивановскому—будто на родину возвращаюсь. Издалека—огромная группа деревьевъ, а ближе,—и уже летитъ наша пара (увы — не тройка) по широкой и тополями обсаженной улицѣ русскаго села въ Туркестанѣ. Сразу вижу, благодаря воскресенію, массу народа—смѣшанную толпу лицъ, нарѣчій, костюмовъ. Тутъ и малороссійская плахта рядомъ съ «нѣмецкою» кофточкой, и хохлацкіе шаровары «шире Чернаго моря», и едва ли не рейтузы въ обтяжку, рубахи, пиджаки, сарафаны, картузы, бараньи шапки. Дѣйствительно, кого только нѣтъ въ здѣшнихъ селеніяхъ: великороссы и мордва съ Поволжья, малороссы изъ Воронежской, Харьковской и Полтавской губерній и Новороссіи, сибиряки, и всякій иной людъ, сошедшіеся съ разныхъ концовъ Россіи и только случайно здѣсь рядомъ осѣвшіе.

Эта этнографическая пестрота населенія, бросающаяся въ глаза даже теперь, послѣ десятка лѣтъ совмѣстнаго жительства, на первыхъ порахъ — какъ пришлось тутъ же выяснить — вызываетъ извѣстныя тренія; но, основанныя обычно на разныхъ мѣстныхъ привычкахъ къ хозяйствованію, эти тренія здѣсь даже не безполезны: подъ вліяніемъ одинаково для всѣхъ новыхъ условій, разность навыковъ мало по малу сглаживается, и благодаря именно разностороннему коллективному опыту скорѣе достигается усовершенствованіе мѣстной культуры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благосостояніе засельщиковъ.

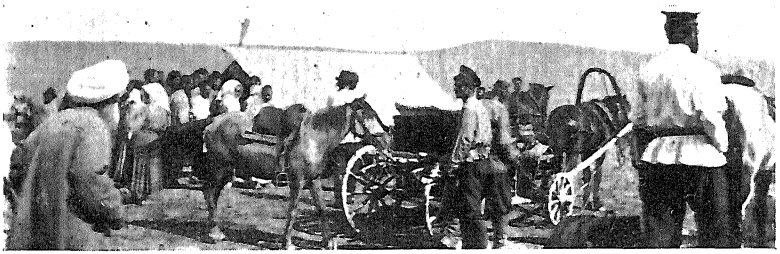

Стадо овецъ переселенца крестьянина.

Внѣшнее впечатлѣніе отъ перваго селенія — Ивановскаго — отличное. Расположено оно на поливной землѣ — отсюда и обиліе растительности, усадьбы просторныя, съ очень большими дворами, съ хорошими почти вездѣ хозяйственными постройками, съ нерѣдко крытыми желѣзомъ домами. Бросается невольно въ глаза тотъ донынѣ еще мало извѣстный въ центральной Россіи крестьянскій «просторъ», который вообще на окраинахъ составляетъ непремѣнное правило для всѣхъ старожиловъ и для переселенцевъ даже средняго типа. Поэтому и Ивановское раскинулось на огромное пространство. Впрочемъ, такой протяженности причиной и то обстоятельство, что со времени надѣленія землею — въ немъ число семей увеличилось больше чѣмъ вдвое. За пять лѣтъ приростъ едва ли естественный!

Это — необходимое наслоеніе въ каждомъ мало мальски удобномъ для жизни селеніи въ колонизуемой мѣстности,

особенно если она «закрыта» временно для переселенія. Крестьянинъ идетъ, ищетъ свободной земли, – нигдѣ не находитъ. Куда преклонить ему голову, да еще на чужой сторонѣ? А тутъ вдругъ православный поселокъ. Примите, ради Христа! Изволь, но за хорошія деньги (100—300 р.)... А не можетъ платить—и живетъ батракомъ, либо арендуетъ у кого нибудь землю, или, наконецъ, съ отчаянія пашетъ очевидно чужую,—авось сойдетъ какъ нибудь. И бываетъ, что «сходитъ», вообще же многія села дѣлаютъ себѣ такимъ образомъ изъ допринятія новыхъ прибывшихъ значительный источникъ дохода, въ ущербъ, конечно, общей земельной обезпеченности. Такъ и въ Ивановскомъ:

Смѣсь лицъ, нарѣчій, костюмовъ.

раньше, въ среднемъ, по 18 десятинъ на семью, а теперь только по 8 и 9, при одной поливной десятинѣ на дворъ.

Довольство переселенцевъ—примѣрное. Въ самомъ дѣлѣ: первые годы цѣлинная десятина давала подъ дождь свыше 100 пудовъ пшеницы; теперь урожайность уменьшилась, но все-же «жить можно», какъ не безъ удовольствія заявляютъ ивановцы, почти поголовно уже разбившіе пасѣки, садики; многіе заводятъ коровъ, ибо луга здѣсь совершенно альпійскіе, вообще же скотоводство здѣсь въ модѣ, и крупнаго скота штукъ 8—9 уже теперь приходится на хозяйство. Нѣкоторые, что побогаче, арендуютъ у киргизъ десятинъ 20 - 30 покоса или даже земли для посѣва, причемъ дѣлается это не вслѣдствіе малоземелья, а потому, главнымъ образомъ, что свободной киргизской земли кругомъ еще очень много, что на нее арендныя цѣны крайне дешевыя, а прибыль очевидно большая, такъ какъ хлѣба въ Туркестанѣ почти не

сѣютъ и продать его можно здѣсь дорого. Правда, такое положеніе вещей нельзя признать совершенно нормальнымъ, такъ какъ слѣдствіемъ подобной аренды естественно можетъ явиться привычка связывать увеличеніе доходности хозяйства съ распространеніемъ его на поверхности, а не съ улучшеніемъ качества,—но особой бѣды въ этомъ, кажется, нѣтъ, такъ какъ аренда напримѣръ сѣнокосной земли свидѣтельствуетъ о промышленно-скотоводческой предпріимчивости переселенцевъ,—обладающихъ уже даже нынѣ хорошими по качеству овцами... При этомъ,

Молитвенный домъ въ поселкѣ Ивановскомъ.

понятно, никто не безпокоится, что подобныя арендныя сдѣлки формально ничтожны, ибо въ Туркестанѣ киргизы сдавать въ наемъ свои земли не могутъ. Аренда вездѣ процвѣтаетъ, и свято вездѣ блюдутся ея условія, но уже теперь чувствуется неудобство такого порядка, а также и того между прочимъ, что купить землю у киргизовъ нельзя, а у сартовъ—далеко и слишкомъ дорого.

Посѣщаю молитвенный домъ (церковь еще не построена), захожу къ отдѣльнымъ хозяевамъ, смотрю ихъ усадьбы, посѣвы. Слава Богу, домашнее обзаведеніе несравненно достаточнѣе, нежели было на родинѣ, и сильно скучаютъ лишь женщины... А между тѣмъ, въ короткой исторіи селенія Ивановскаго уже были такіе моменты, когда крѣпко задумывались надъ судьбою и старики, и самые смѣлые

піонеры хозяева. Это—въ первые годы по образованіи поселка, когда жизнь еще не вошла въ колею, когда здѣсь сразу же оказалось не мало безпокойнаго элемента—изъ тѣхъ, что ищутъ «зеленаго клина», но къ труду совсѣмъ равнодушны. И лишь время, да большинство односельцевъ совсѣмъ противуположнаго склада, сдѣлали въ концѣ концовъ то, что почти уже всѣ подобные типы либо ушли уже по добру по здорову (90%), не найдя здѣсь сочувствія праздности, либо взялись «за умъ» и теперь уже «люди какъ люди». Но безпокойства и послѣдствій не мало: и водка пошла продаваться, и тѣ деревья, что мы видѣли срубленными,—дѣло «озорства» такихъ лицъ, и много всякихъ другихъ вредныхъ явленій...

Но не будемъ спѣшить съ заключеніями. Остановимся пока лишь на томъ, что теперь почти всѣ здѣсь народъ трудолюбивый, хорошій и ... звонко вдругъ вечеромъ раздается малороссійская пѣсня, невольно переносящая мыслями въ далекую, родную Украйну...

Въ 12 верстахъ вверхъ по долинѣ знаменитое еще недавно пьянствомъ селеніе Михайловское—тоже начинающее богатѣть и остепеняться село. Оно расположено около самыхъ «бугровъ», переходящихъ непосредственно въ горы; крестьяне здѣсь еще съ бо́льшими средствами, фруктовыхъ садовъ уже много, желѣзныя крыши не рѣдкость, скотоводство хорошо развивается. И если вы въ состояніи не обращать вниманія на пьяныхъ «по случаю праздника», и на отдѣльныя личности, то впечатлѣніе отъ этого села съ прекрасной вновь строящейся церковью, у васъ останется самое радужное, такъ какъ, помимо всего прочаго, «богара́» здѣсь оказалась особо удачной, и урожаи подъ дождь превосходные.

Однако, зато «водный» вопросъ пріобрѣтаетъ здѣсь извѣстную остроту, такъ какъ за послѣдній рядъ лѣтъ крестьяне селенія Михайловскаго стали ощущать недостатокъ въ водѣ для полива усадебныхъ мѣстъ и собственно поселочныхъ надобностей. Между тѣмъ, орошающіе поселокъ родниковыя воды признавались до сихъ поръ совершенно достаточными, ибо свободно могли поливать 56 десятинъ огородовъ и пополняли ежедневно съ избыткомъ спеціально устроенные водоемы для питьевого довольствія. И вотъ,

теперь только выяснилось, что, непривычные къ экономному обращенію съ водою, сами же крестьяне Михайловскаго едва себя не наказали серьезно... А именно,—установивъ самовольно на отводѣ отъ одного родника три водоналивныя мельницы, и вообще крайне неряшливо обращаясь съ гидротехническими сооруженіями, что и вызвало, сверхъ всего, загрязненіе головныхъ родниковъ.

Молотьба у зажиточнаго переселенца въ Ивановскомъ.

Урокъ этотъ Михайловцы, кажется, поняли, и уже ими самими принимаются мѣры къ предотвращенію подобныхъ «случайностей». Не обошлось конечно и здѣсь безъ участія уже извѣстнаго намъ элемента...

Еще восемь верстъ къ сѣверо-востоку, и въ концѣ Кугартской долины, гдѣ горы стѣснили ее съ обѣихъ сторонъ, оставивъ узкую пропасть для рѣчки, расположенъ третій старожильческій поселокъ—Дмитріевскій (бывшій Таранъ-Базаръ), откуда, между прочимъ, идетъ прямой путь въ Семирѣчье. Протянулся этотъ поселокъ въ одну длиннѣйшую линію, живутъ крестьяне не плохо, есть очень хорошія пасѣки, и вообще тотъ же типъ, что и первые два поселенія.

Непосредственно къ усадебной осѣдлости Дмитріевскаго

примыкаютъ постройки самовольцевъ, недавно еще поселившихся на новомъ переселенческомъ участкѣ «Любино», причемъ обращенныя фронтомъ къ горамъ усадьбы тянутся одной непрерывною линіей на протяженіи до четырехъ верстъ. Этотъ поселокъ, заключающій въ себѣ 114 крестьянскихъ дворовъ, орошается и обезпечивается въ питьевомъ отношеніи восемью родниками, а почва, климатъ и рельефъ участка тождественны съ таковыми же поселка Михайловскаго и вообще Кугартской долины.

Во дворѣ переселенца въ Михайловскомъ.

Однако, быть увѣреннымъ въ столь же блестящемъ развитіи этого новорожденнаго поселка, къ сожалѣнію нельзя,—и вотъ почему.

По ходатайству киргизъ ближайшаго аульнаго общества, имъ отведенъ уже отрубъ въ верховьяхъ тѣхъ родниковъ, которые питаютъ Любино, и даже частью Дмитріевское, причемъ, несомнѣнно, киргизы не приминутъ основаться зимовками именно у этихъ верховьевъ. Въ этомъ случаѣ весьма значительная доля воды потребуется для одного только водопоя скота, и тѣмъ могутъ быть обездолены поселившіеся ниже крестьяне. Затѣмъ, естественно ждать, что, занимая верхнее положеніе киргизы захотятъ завести и поливные посѣвы... Наконецъ, какъ услѣдить за скотомъ, чтобы послѣдній не погубилъ насажденій, не забирался въ родникъ, въ канаву, и тѣмъ не портилъ бы воду, которую въ конечномъ итогѣ должны будутъ пить ниже сидящіе русскіе? И хорошо еще, если воды этой хватитъ...

Но о Любинѣ и о киргизахъ достаточно, такъ какъ впереди будутъ поселки типичнѣе.

Здѣсь же, передъ путешествіемъ дальше, отмѣтимъ для памяти то, что старожилые (однако двадцатаго вѣка!) поселки Кугартской долины—какъ нами посѣщенные три, такъ и пять остальные,—успѣвъ за короткій періодъ не разъ перемѣнить свою внѣшность въ смыслѣ замѣны однихъ новоселовъ другими, только теперь вступаютъ на путь дѣйствительно прочнаго обживанія, рентабельнаго приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ,—освоенія туркестанской поверхности вглубь.

И еще учтемъ здѣсь то обстоятельство, что пятнадцать лѣтъ назадъ въ этой долинѣ и вообще въ этой мѣстности не было ни одного русскаго жителя, что при дѣйствительно блестящихъ возможностяхъ, открываемыхъ намъ Туркестаномъ, гдѣ всякая пядь земли—золото, всѣ пространства кругомъ пустовали, и лишь изрѣдка по нимъ прогонялись стада...

Теперь каждая десятина въ округѣ имѣетъ своего обладателя. На югъ отъ Кугартской долины, на востокъ отъ нея, и на сѣверъ—лѣсо-степь, луга и субальпійская зона на горныхъ плато и въ предгорьяхъ уже заняты нашими переселенцами, отнюдь не стѣснившими при этомъ киргизское пользованіе, но внесшими, напротивъ того, необходимую экономическую ясность въ представленія туземцевъ о земельномъ просторѣ. Въ какіе-нибудь два-три года при содѣйствіи переселенческой организаціи ожилъ этотъ маленькій центръ Ферганы—хлѣбный и промышленно-хозяйственный,—необходимое дополненіе къ хлопку, и потому не менѣе цѣнный. И этотъ новый клочекъ Туркестана образовался столь быстро и крѣпко какъ потому, что въ Кугартской долинѣ были уже поставлены первыя русскія вѣхи, такъ и потому, между прочимъ, что здѣсь именно интенсивно производились работы по отграниченію киргизскихъ излишковъ, и такимъ образомъ сразу подготовленъ былъ оффиціально свободный переселенческій фондъ.

Однако, къ слову сказать, заготовка этого фонда за жизнью все же не поспѣваетъ и массы русскихъ засельщиковъ продолжаютъ жить кругомъ самовольно...

VI.

Амазонка съ участка Солдатскаго.—Нѣмецъ, крестьяне и артистъ русской оперы...—Почему мы ѣдемъ верхами.—Переправа черезъ рѣчку Кугартъ.—Участокъ и поселокъ Солдатскій.—Путь обратный. Привычка—вторая натура.—Въ горы изъ поселка Ивановскаго.—Первый поселокъ—Балканскій.—Все выше и выше.—Черное Озеро—6.000 футовъ надъ уровнемъ моря.—Хутора „Алексѣевское".—Впечатлѣнія отъ горныхъ поселковъ.—Зимовки киргизовъ.—Спускъ въ долину „черной норы"—рѣчки Кара-Унгура.—Осѣдлость селенія Воздвиженскаго.—Сартское селеніе Чарвакъ.—Размышленія.

Еще въ поселкѣ Михайловскомъ, когда я бесѣдовалъ съ старостой, мимо насъ проскакала по улицѣ самая настоящая европейская амазонка «со шлейфомъ»—молодая особа на дамскомъ сѣдлѣ. При видѣ подобной «культуры» я былъ удивленъ чрезвычайно, и получилъ объясненіе, что это дочь мѣстнаго «нѣмца»,—извѣстнаго кругомъ пчеловода, живущаго «по ту сторону» рѣчки, къ востоку верстахъ въ двадцати.

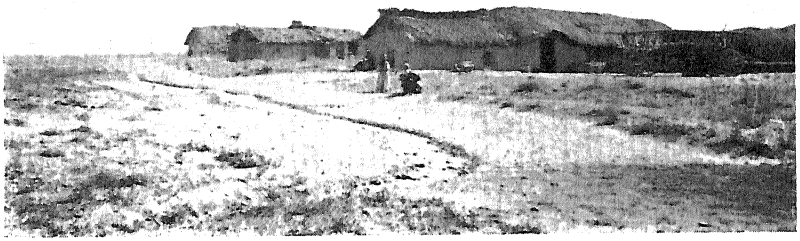
Тамъ, какъ оказывается, поселились и наши крестьяне,—безъ всякой за это доплаты, не въ примѣръ кугартскимъ сосѣдямъ, и даже бывшій артистъ — Московской, какъ кажется, оперы...

Нѣмецъ, крестьяне, актеръ, да еще въ роли переселенца,—слишкомъ заманчивая «комбинація колонизаціи», и, конечно, изъ селенія Дмитріевскаго направляемся прямо туда.

Послѣ столькихъ верстъ въ экипажѣ, съ удовольствіемъ сижу на сѣдлѣ, недоумѣвая впрочемъ пока, почему нужно

именно здѣсь ѣхать верхомъ, какихъ нибудь 4 версты до «Солдатскаго»—ближайшей цѣли нашей экскурсіи—по хорошей и ровной дорогѣ. И кромѣ того съ проводниками—крестьянами «потусторонними»...

Но стоило намъ подъѣхать къ Кугарту, и я уже не удивлялся. Представьте себѣ пропасть глубиною въ 50 саженъ съ почти отвѣсными стѣнками, а внизу мчится какой то сумашедшій потокъ, называемый ошибочно рѣчкой, съ подобіемъ мостика черезъ него изъ нѣсколькихъ тоненькихъ жердочекъ. И здѣсь именно нужно переправляться...

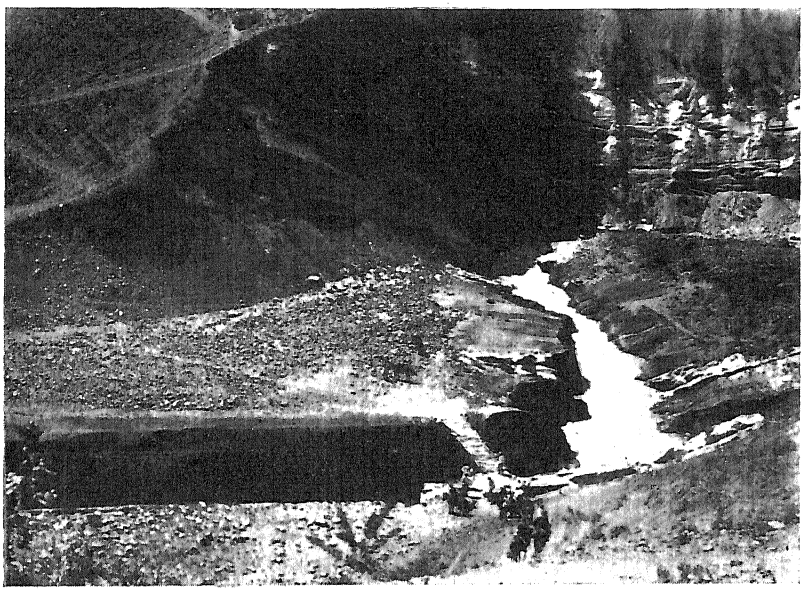
Кугартскій поселокъ Дмитріевскій.

Правда, тропа для подъема и спуска образовала собою зигзагъ и такимъ образомъ получилась «отлогость», примѣрно градусовъ въ 40; правда, лошади были наѣзженныя, и лишь сравнительно рѣдко изъ подъ ихъ ногъ срывались и летѣли куда то внизъ камни,—безспорно опытными были и проводники, усердно вначалѣ крестившіеся, но для людей непривычныхъ даже такія гарантіи не обращаютъ этотъ спускъ въ удовольствіе.

Особенно въ первый моментъ, когда вашъ конь ступаетъ непосредственно въ пропасть и сразу начинаетъ сползать, между тѣмъ какъ взглянуть на дорогу представляется совсѣмъ невозможнымъ: по крайней мѣрѣ мнѣ лично казалось, что голова уже кружится, а кстати и сѣдло подается впередъ, значить грозитъ оборваться...

Но вотъ медленно съѣхали, стали. Отдыхаютъ и люди, и лошади, сердце бьется не совсѣмъ равномѣрно. И уже пустякомъ, по сравненію, кажется переѣздъ черезъ мостикъ,

на который въ обычныхъ условіяхъ не ступилъ бы и одною ногою. Теперь же, въ предчувствіи новыхъ мученій подъема, рѣшительно отвергаю предложеніе проводника сойти съ лошади—«не ровенъ часъ—мостъ не удержитъ», и ѣду верхомъ черезъ жерди, положенныя безъ всякихъ подпоръ и танцующія въ это время какой то отчаянный танецъ. Впечатлѣнія почти никакого!

Переправа черезъ Кугартскую щель—къ селенію Солдатскому.

Зато подъемъ—хуже спуска, такъ какъ теперь больше боишься за лошадь, видишь съ какими страшными усиліями она выкарабкивается, а назадъ оглянуться не смѣешь, и только цѣпляешься за сѣдло и за гриву, чтобы не полетѣть внизъ безъ лошади. До «той стороны», казалось, рукой подать, а переправлялись мы около часа. И первый вопросъ, мною заданный у поселка Солдатскаго, былъ о томъ, нѣтъ ли обратно другого пути. Но сюда и отсюда проѣхать возможно только одной переправою и такимъ образомъ предстоитъ обязательно еще разъ испытать ея прелести.

Поселокъ Солдатскій образованъ, какъ и всѣ осталь-

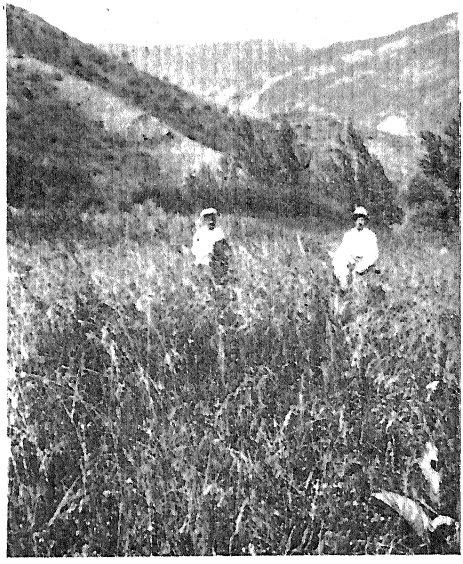
ные, на отрѣзкахъ отъ киргизскаго пользованія и заселенъ переселенцами, большею частью «арендовавшими» здѣсь же раньше посѣвы и пастбища, или просто спокойно и даромъ сидѣвшими на земляхъ, считавшихся кочевыми и до сихъ поръ безхозяйныхъ. Но послѣ оформленія самовольнаго переселенія и распредѣленія между населеніемъ надѣловъ, таковыхъ не хватило на наличныя души, и многія изъ нихъ оказались въ худшемъ нежели раньше положеніи, оставшись уже на оффиціально выясненной «чужой» землѣ, и лишенными всякихъ иллюзій. Съ другой стороны, однако, такое положеніе вещей дало возможность переселенческой организаціи выбирать крестьянъ для Солдатскаго, во избѣжаніе повторенія примѣровъ поселковъ, устроенныхъ раньше безъ всякаго разбора засельщиковъ, и потому съ трудомъ развивавшихся. Однако, на участкѣ Солдатскомъ подборъ по качеству труденъ, ибо всѣ переселенцы одинаково достойны устройства: чтобы перебраться сюда черезъ пропасть нужно было много здоровой рѣшимости, и это одно обстоятельство обусловило хорошій составъ.

Въ числѣ первыхъ счастливцевъ, получившихъ казенную землю, оказался и артистъ русской оперы, и вотъ господинъ съ театральной фамиліей сдѣлался мѣстнымъ помѣщикомъ. Кажется ему отведенъ здѣсь «дворянскій» участокъ, десятинъ приблизительно въ 70,—кажется понятіе о земледѣліи этотъ пѣвецъ имѣетъ достаточно смутное, но носитъ онъ форму чиновника, очевидно безъ права на это, и требуетъ особаго уваженія и необычныхъ переселенческихъ льготъ со стороны администраціи; получая же справедливыя отповѣди, вѣчно жалуется на нее первому встрѣчному, и строитъ... воздушные замки. Мое знакомство съ нимъ къ сожалѣнію не состоялось—онъ съ претензіей на одного изъ чиновниковъ только что отбылъ въ Ташкентъ. А тѣмъ временемъ отъ мѣстныхъ крестьянъ, оставшихся нынѣ за флагомъ, пришлось выслушивать невыполнимыя просьбы о ничтожномъ хотя бы надѣлѣ. Предлагаютъ имъ, за сплошнымъ заселеніемъ участка, перебираться куда то на другіе отрѣзки, а всѣмъ хочется именно здѣсь основаться. Обыкновенная исторія при ликвидаціи самовольства.

Хорошо жить въ Солдатскомъ! Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ крестьяне, хотя село еще даже не закончено стройкою. Больно земля хороша, лѣсу много,—климатъ превосходный, ягода, дичь и луга... Дѣйствительно, это уже не оранжерейная мѣстность, уже не долина, но приближеніе къ настоящимъ горамъ, фауна и флора предгорій—4.500 футовъ надъ уровнемъ моря при благопріятнѣйшемъ общемъ мѣстоположеніи въ смыслѣ защиты отъ засушливыхъ вѣтровъ, что, въ связи съ толстымъ слоемъ плодородныхъ перегнойныхъ почвъ, дѣлаетъ Солдатское естественной житницей Андижанскаго уѣзда.

Нисколько не убоявшись головоломныхъ препятствій въ видѣ обрыва и стремительной рѣчки, какъ бы сторожившихъ богатства участка, на него прибылъ и сѣлъ—простой Кіевскій, Воронежскій и Полтавскій крестьянинъ... «Волокомъ» перетащилъ черезъ пропасть жену, дѣтишекъ, кой какія орудія, и сталъ дѣлать опыты разныхъ посѣвовъ. И вотъ, эти опыты сразу же выяснили совершенную здѣсь ненадобность полива не только пшеничныхъ посѣвовъ, но даже большинства огородныхъ культуръ, за исключеніемъ, развѣ, капусты.

Ко времени устройства «по формѣ» этихъ дѣйствительно піонеровъ культуры, переселенческой организаціи оставалось лишь констатировать фактъ, что здѣсь безъ орошенія искусственнаго растетъ, напримѣръ, даже просо, что родники тутъ великолѣпнаго качества, и что нужно лишь построить колодцы. Къ этому уже и приступлено, получившимъ же надѣлы крестьянамъ — числомъ 77 — отве-

Въ предгорьяхъ близъ поселка Балканскаго.

дено по 19 десятинъ отрубныхъ, въ томъ числѣ 1 поливная—подъ усадьбу. Еще ко времени устройства поселка Солдатскаго, его жители въ качествѣ простыхъ «самовольцевъ», успѣли развить свою посѣвную площадь до 5 - 6 десятинъ на семью, и уже обладали 4 головами крупной скотины на дворъ.

Не стоитъ ли надъ всѣмъ этимъ задуматься?.. Во всякомъ случаѣ не удивительно что здѣшняя природа, дѣвственная и богатая, такъ по вкусу пришлась переселенцамъ и посѣвы ихъ сразу же дали результаты прекрасные.

Поднявшись еще надъ поселкомъ, миновавъ бугры овса и пшеницы, подъѣзжаемъ къ «имѣнію» Метца—того лучшаго пчеловода въ округѣ, дочь котораго такъ отважно скакала чрезъ селеніе Михайловское. Типично нѣмецкое хозяйство, но не надѣльное, на этотъ разъ, какъ у пѣвца, а на землѣ, отъ казны арендованной. Къ сожалѣнію - ибо во всемъ образцовый порядокъ, чистота и, конечно, довольство,—полная прочность хозяйства на зыбкомъ арендномъ фундаментѣ. Ловкая амазонка—теперь гостепріимнѣйшая хозяйка, и нѣтъ возможности отказаться отъ сытнаго многоблюднаго обѣда, отъ великолѣпнаго меда, отъ всевозможныхъ домашнихъ вареній, соленій, печеній. Пчеловоды люди простые, а между тѣмъ тутъ же въ саду душъ для купанія, цвѣтники,—словомъ прекрасная дача съ удобствами даже на вкусъ европейскій. Пасѣка — послѣднее слово искусства, причемъ, по утвержденію Метца, любая пчела здѣсь разводится великолѣпно, до того подходящи условія климата и обильны естественные полевые цвѣты.

Одна бѣда для всѣхъ здѣшнихъ жителей—это отрѣзанность отъ внѣшняго міра. Какъ вывозить тотъ же хлѣбъ, и всякія громоздкія вещи, когда единственный путь къ рынкамъ и сбыту—черезъ кугартскую переправу, доступную только для всадниковъ? Но пока все же кое-какъ справляются наши удивительные «хохлы» и «кацапы», обратившись временно въ горцевъ, и достигая виртуозности въ вьючной упаковкѣ. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе съ этимъ мириться—потребленіе и вывозъ растутъ—да и есть уже разбитыя головы—жертвы вѣроятно излишняго молодечества. И теперь наконецъ говорятъ объ устройствѣ колесной дороги силами самихъ новоселовъ при помощи переселен-

ческой организаціи. Тогда, конечно, еще завиднѣе будетъ житье въ этой мѣстности.

Но это—вопросы все будущаго, теперь же мнѣ нужно переправляться обратно по прежнему, и эта неизбѣжная переспектива буквально отравила все посѣщеніе участка Солдатскаго и даже хлѣбъ-соль милаго Метца.

Къ удивленію, вторичное испытаніе не произвело уже на меня столь потрясающаго впечатлѣнія, какъ первое,—очевидно все дѣло въ привычкѣ.

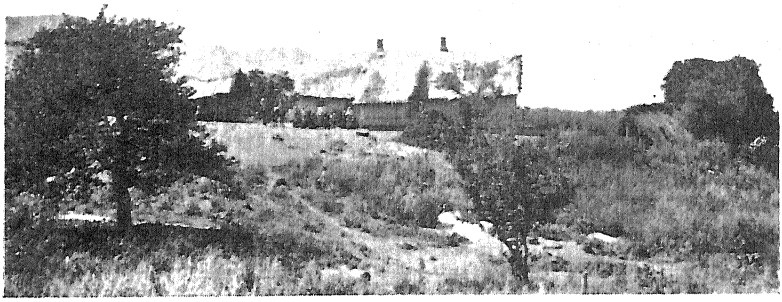

Урочище Кара-Куль—Черное Озеро—теперь Алексѣевское.

Въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ поселка Ивановскаго, куда мы вернулись долиною, течетъ тотъ же Кугартъ, но уже не въ крутыхъ берегахъ, а потому и переправа черезъ него, хотя и вбродъ, не представила никакихъ затрудненій: путь нашъ лежитъ теперь въ горы, которыми мы любовались отъ гробницы пророка «Аюба».

Съ удовольствіемъ принявъ легкій душъ, неизбѣжный при переправѣ черезъ здѣшнія рѣчки, не глубокія, но быстрыя, и образующія при малѣйшей задержкѣ теченія массу брызгъ и водяной пыли, сразу начинаемъ сравнительно отлогій подъемъ—опять таки сплошное удовольствіе,

такъ какъ кругомъ богатая зелень, посѣвы. Послѣдніе принадлежатъ здѣсь частью осѣвшимъ или теперь осѣдающимъ подъ вліяніемъ примѣра переселенцевъ киргизамъ, юрты которыхъ среди огородовъ производятъ впечатлѣніе странное, а частью, уже нѣсколько выше—русскому селенію Балканскому.

Одинъ изъ хуторовъ Алексѣевскаго.

Этотъ поселокъ, до котораго хотя и съ трудомъ, но всетаки можно, какъ кажется, доѣхать повозкою, близокъ по типу съ Солдатскимъ, хотя и значительно меньше—всего 28 дворовъ. Тѣ же великолѣпныя травы, отличный ручей для питья, тѣ же посѣвы подъ дождь, при перегнойной каштановой почвѣ на толстомъ лессовомъ пластѣ, и даже медъ здѣсь не хуже нѣмецкаго. Переселенцы здѣсь малороссы по преимуществу, того же экономическаго обезпеченія, и столь же симпатично серьезные. Съ киргизами мѣстными ладятъ, даже болѣе,—дружны, и вообще всѣмъ довольны, безъ излишняго оптимизма въ словахъ. Текущая забота—объ исправленіи и расширеніи дороги, и замѣчательная вѣра въ с е б я, въ свои собственныя, русскія, силы.

Перемѣняемъ здѣсь лошадей и поднимаемся все выше и выше, буквально упоенные ароматомъ всевозможнѣйшихъ травъ и растеній. Огромное количество зонтичныхъ, крупныхъ цвѣтовъ разнообразныхъ оттѣнковъ, лучшей пищи для пчелъ—душистаго «еремуруса», цѣлое море травы столь высокой, что нашъ кавалерійскій отрядъ совершенно въ ней прятался. При всемъ томъ—«мягкія» горы, т. е. ни

одного камешка, ни одного крутого обрыва, все холмы и холмы, правда огромные, но въ общемъ не всегда даже и замѣтенъ подъемъ. Но вотъ, съ какой нибудь точки случайно откроется видъ хотя бы на ту же Кугартскую низменность, затянутую пеленою тумана, на еле видныя потустороннія, ю ж н ы я, горы, гдѣ также теперь живутъ русскіе—и поймешь тогда, что взобрались высоко.

„Самоволецъ“ на Алексѣевскомъ.

Солнце печетъ очень сильно, но о духотѣ нѣтъ и помину. Зато жажда огромная, и съ наслажденіемъ припадаю къ бурдюку съ кумысомъ, по предложенію встрѣчныхъ киргизовъ. Пилъ я кумысъ много разъ, но нигдѣ онъ не казался такимъ дѣйствительно вкуснымъ, какъ близъ урочища «Черное озеро», на вышинѣ 6.000 футъ съ лишнимъ.

«Черное озеро», или по здѣшнему «Кара-куль», представляетъ собою возвышенную котловину, окруженную съ юга, юго-запада и востока высокими холмами. Эта котловина видимо осѣла во время сильныхъ землетрясеній, причемъ постепенное разрушеніе зарубцевавшихся краевъ окружныхъ возвышенностей и ежегодно происходящіе обвалы солидныхъ глыбъ привели, повидимому, къ особенной близости здѣсь грунтовыхъ водъ, что въ свою очередь дѣлаетъ темно-каштановую, перегнойную почву урочища чрезвычайно влажною, особенно въ дождливые годы. Теперь—это русскіе хутора переселенческаго участка «Алексѣевскаго». Показался этотъ участокъ предъ нами внезапно,

послѣ того, какъ мы два часа съ лишнимъ все поднимались по направленію къ одинокому дереву, возвышавшемуся надъ всѣми окрестностями и обозначавшему высшую точку перевала.

Панорама отъ этого дерева—стараго грецкаго орѣха—открывается дѣйствительно дивная. На нѣсколько верстъ впереди спускается пологими изумрудными скатами та гора, на вершинѣ которой мы стали, а едва ли не весь небосклонъ занимаютъ на сѣверѣ могучіе снѣговые хребты,

Пасѣки крестьянъ въ Алексѣевскомъ.

теперь ужъ какъ будто бы близкіе, черезъ два-три перевала. Здѣсь, у вершины—прекрасныя кленовыя рощи, въ перемѣшку съ орѣхами; далѣе по скату блистаютъ озера, окаймленныя богатой растительностью, и около этихъ роскошныхъ зеркалъ, какъ на ладони,—постройки отдѣльными группами, посѣвы овса и пшеницы. Наконецъ, совсѣмъ внизу, еле видно, сверкаетъ какая то рѣчка.

Постройки и посѣвы при нихъ—это и есть Алексѣевское, русское хуторское селеніе, образованное совершенно недавно, также на земляхъ бывшаго киргизскаго пользованія. Несмотря на эту недавность, крестьяне уже устроились прочно, ибо и раньше еще они жили здѣсь самовольцами. Когда сюда вслѣдъ за ними явилась переселенческая организація, дѣло освоенія новыхъ земель уже почти завершилось. Уже было, напримѣръ, крестьянами выяснено, что въ нѣкоторой части урочища изъ за особенной влажности почвы хлѣба не всегда урожайны,

Переправа черезъ Кара-Унгуръ.

тогда какъ чисто богарные посѣвы, расположенные по окраинамъ впадины, легко даютъ 130—150 пудовъ пшеницы на десятину. Оставалось принимать эти и другія опытныя данныя къ свѣдѣнію, и теперь весь участокъ уже размежеванъ на 80 хуторовъ по 40 десятинъ богарной земли каждый, причемъ нечего и говорить, что всѣ эти хутора уже заняты. Болѣе того, на нѣкоторыхъ изъ нихъ еще сидятъ вмѣстѣ съ теперешними «законными» хозяевами также и самовольцы, на которыхъ не хватило надѣловъ и которые никакъ не хотятъ примириться съ мыслью, что имъ нужно убраться... Удачный естественный подборъ переселенцевъ и прекрасныя общія условія сдѣлали, то что Алексѣевцы засѣваютъ теперь уже до 10 десятинъ на семью, и среднее количество крупнаго скота—5 головъ на хозяйство. Есть и болѣе удачливые.

Многіе, какъ напримѣръ нѣкій Макаровъ, завели хозяйства буквально помѣщичьи, включая сюда скотоводство, да еще и огромныя пасѣки, расположенныя большею частью у озера. Каждый хуторъ—недурное имѣніе съ отличными данными почвы и климата. Конечно, только немногіе сибирскіе переселенцы получаютъ такія «имѣнія» такъ какъ единственный здѣсь недостатокъ, къ тому же и временный,—неудобство путей.

Совсѣмъ не хотѣлось уѣзжать изъ Алексѣевскаго, настолько сама природа манила къ отдыху, настолько хорошее впечатлѣніе произвели на меня хуторяне. Вотъ третій горный поселокъ, и куда выше во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ихъ населеніе по сравненію съ населеніемъ долины. Тамъ столько всякихъ отбросовъ, столько треній, пока жизнь образуется, а здѣсь—съ перваго года удача...

Но все же далѣе слѣдовать нужно, и вотъ, мало по малу, среди прекрасныхъ посѣвовъ, мы спускаемся внизъ, къ еле видной долинѣ. Уже недалеко отъ послѣдней обра-

щаю вниманіе на жалкія строенія—изъ земли или глины, безъ оконъ, низкія, длинныя. Оказывается, что это—«зимовки», т. е. зимнія жилища немногихъ еще оставшихся здѣсь кочевыми инородцевъ киргизовъ. Видъ до крайности несоотвѣтственный ни общему характеру мѣстности, ни даже временнымъ русскимъ жилищамъ—едва ли не дворпамъ, сравнительно, и тутъ мнѣ невольно припомнилось, съ какими большими трудностями связано въ нашей переселенческой практикѣ замежеваніе въ государственный фондъ ненужныхъ киргизамъ излишковъ въ томъ случаѣ, если на нихъ что нибудь этими киргизами сдѣлано – напримѣръ посажено дерево. И далѣе, что смѣщеніе этихъ самыхъ зимовокъ—добро бы основательныхъ зданій—допускается лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ отчаянное, послѣднее, средство, что за это впередъ платятся крупныя суммы...

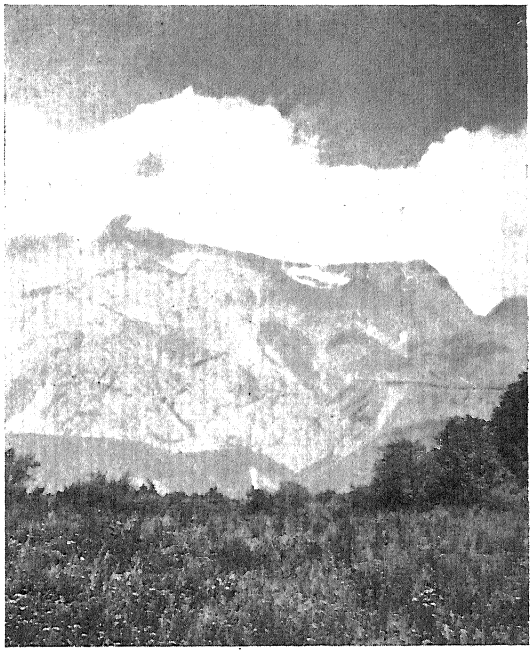
Крутой, дѣйствительно, спускъ, и передъ нами внизу—долина Кара-Унгура—на высотѣ все же 4.500 футовъ надъ уровнемъ моря—съ рѣчкой того же имени—не глубокой, но очень быстрой. Переправляемся вбродъ—непріятная вещь для слабонервныхъ, вслѣдствіе стремительности рѣчного потока настолько, что лошади иногда подбиваются камнями и летятъ тогда въ потокъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Этой весной, напримѣръ, здѣсь погибъ одинъ изъ чиновниковъ.

По ту сторону рѣчки сразу большая возвышенность, вдоль основанія которой, и внизъ по теченію, ѣдемъ вплоть до еще новаго селенія, Воздвиженскаго, расположеннаго на берегу, въ зонѣ злаковой степи и въ полосѣ богарныхъ посѣвовъ. Этотъ поселокъ, теперь въ 40 дворовъ по 33 десятины каждый, возникъ, какъ и три уже пройденные, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что усадьбы крестьянъ у рѣки, а надѣлы—нѣсколько дальше и выше, за близъ лежащимъ кишлакомъ Чарвакомъ, по направленію къ хребту Арысланбобу. Иначе говоря, здѣсь отрубная система, и лишь немногіе домохозяева могли получить землю близъ рѣчки: большинству таковой не хватило.

Около этихъ удаленныхъ надѣловъ и была назначена наша стоянка. Почему именно тамъ—я понялъ только впослѣдствіи, послѣ прибытія на мѣсто.

Но еще раньше того, я хотѣлъ получить объясненіе, по-

чему во вновь устроенныхъ русскихъ поселкахъ вездѣ разные размѣры надѣловъ на дворъ при, казалось бы, равныхъ условіяхъ. — Соотвѣтственно качественному сочетанію угодій въ предѣлахъ каждаго отруба и общей площади участка. Такъ напримѣръ, почти вездѣ требуется для усадебъ и огородовъ земля поливная; ея достаточно десятины на дворъ, но мы будемъ наблюдать даже случай, когда вслѣдствіе недохватки пахатной богарной земли пришлось всю поливную распредѣлить между дворами по шесть десятинъ на семью, и больше не приселять новоселовъ. Въ другихъ случаяхъ ту же роль играетъ соотношеніе между сѣнокосомъ и пахатью, — при общемъ, конечно, значеніи отношенія количества переселенцевъ къ предѣльной емкости даннаго пространства земли. И правильно поступаетъ переселенческая организація, стремясь не урѣзывать отрубные надѣлы.

Надѣлы переселенцевъ Воздвиженскаго.

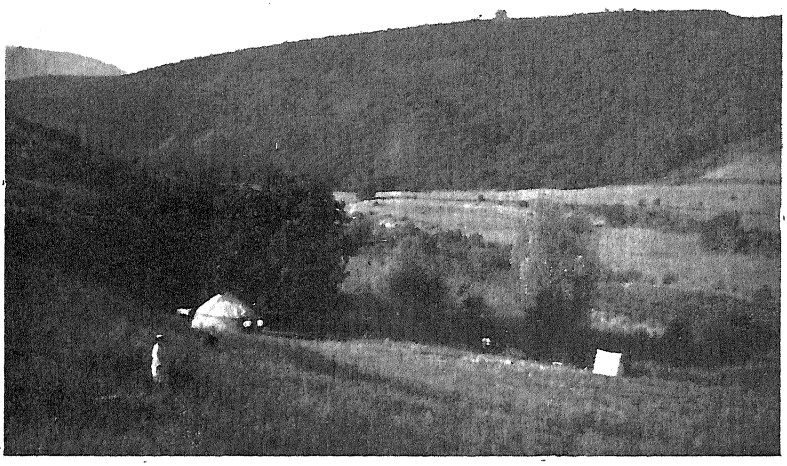
VII.

Чарвакъ. Легенда о поискахъ рая. — Арысланбобская дача, горы, кишлакъ и рѣка. — Вторая легенда о пророкѣ-садовникѣ. — „Надѣлы переселенцевъ Воздвиженскаго“.—Элементы похуже.—Предварительныя соображенія.—Для успокоенія нервовъ въ „раю“ — душъ Шарко и прохлада по утру.—Дорога-аллея—на той сторонѣ.—Встрѣчи и наблюденія. — Лѣсная казенная дача.—Безрезультатное путешествіе въ гору.— Кишлакъ Арысланбобъ.—Дальше и выше.—Водопады и священный булыжникъ. — Поселокъ Благодатный на высотѣ 7 тысячъ. — Оправдаетъ ли онъ свое имя?—Что видно съ высотъ Благодатнаго.

Близъ усадебной осѣдлости переселенцевъ поселка Воздвиженскаго, при сліяніи съ Кара-Унгуромъ небольшой горной рѣчки, расположено сартовское селеніе Чарвакъ, и съ этимъ селеніемъ, между прочимъ, связана слѣдующая мѣстная легенда.

Гдѣ то, когда то, жилъ праведникъ. Своею примѣрною жизнью онъ до того угодилъ Всемогущему, что именно ему было дано порученіе найти на землѣ самое красивое и удобное мѣсто для того, чтобы устроить тамъ рай, въ которомъ встрѣчалась надобность. Долго бродилъ святой мужъ, и наконецъ дошелъ до Чарвака. Или просто усталъ путешественникъ, либо дѣйствительно былъ онъ искрененъ, но фактъ тотъ, что какъ разъ въ Чарвакѣ имъ и было всенародно объявлено о выполненіи воли Аллаха и о признаніи этого мѣста священнымъ. О такомъ заявленіи сейчасъ же, конечно, сдѣлалось извѣстно на небѣ, и оттуда былъ посланъ архангелъ (Гавріилъ, какъ обычно) провѣрить добросовѣстность праведника. Недолго леталъ этотъ ангелъ, при-

чемъ результатомъ ревизіи было то, что уже блаженствовавшему въ Чарвакѣ раеискателю пришлось вновь направиться на поиски дальше. На сей разъ и онъ не замедлилъ. Пройдя нѣсколько верстъ вверхъ по горной рѣченкѣ, праведникъ остановился, и возгласилъ уже окончательно, что здѣсь—лучшее мѣсто на свѣтѣ. Аллахъ этотъ выборъ одобрилъ и съ той поры Арысланбобская дача, считается мѣстомъ бывшаго рая.

Гидротехническая ставка „въ раю".

Казалось бы, рекомендація очень солидная, и я съ интересомъ смотрю прежде всего на Чарвакъ, стоящій по ту сторону горной рѣченки, хотя отсюда — обыкновенный кишлакъ, впрочемъ весь въ естественной зелени. Но гораздо еще интереснѣе попасть въ офиціально признанный рай, и вотъ мы уже въ его священныхъ границахъ.

Теперь — это надѣлы переселенцевъ Воздвиженскаго!

Представьте себѣ фруктовый «огромнѣйшій и прекрасный садъ міра» *. спускающійся къ рѣкѣ-водопаду, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Больше всего здѣсь грецкихъ орѣховъ, огромныхъ и старыхъ деревьевъ съ наплывами, затѣмъ яблонь, абрикосовъ и сливъ, барбариса,

* По выраженію академика Коржинскаго.

грушъ, миндаля и фисташекъ, на ряду съ чисто мѣстными фруктами—«урюкомъ» и персиками. Все это плодовое царство разбито какъ въ паркѣ куртинами и перемѣшивается съ кленомъ и ясенемъ. То здѣсь, то тамъ, виноградъ, масса шиповника, ивы и тополи на роскошномъ травянистомъ покровѣ, съ богатыми красотою цвѣтами, незабудками, настурціей, мятою...

Кто былъ здѣсь чудеснымъ садовникомъ?

Одинъ изъ видовъ отъ Воздвиженскаго.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ также легенда туземная... Во времена очень давнія проживалъ въ этой мѣстности праведный богатырь Арысланбобъ, слава котораго, какъ искусснѣйшаго садовника-насадителя гремѣла по всему свѣту. Туземный пророкъ Даніилъ захотѣлъ провѣрить людскую молву, явился въ эту долину, и настолько поразился великолѣпнымъ созданіемъ, что тутъ же обратился съ мольбою къ Аллаху о продленіи дней Арысланбоба по крайней мѣрѣ до появленія самого Магомета, чтобы и послѣдняго научить садоводству. Просьба Даніила была исполнена, Арысланбобъ жилъ очень долго, а послѣ его смерти (похороненъ въ кишлакѣ Арысланбобѣ) вся мѣстность стала священною, и именемъ богатыря были названы даже снѣговыя вершины...

Правда, между двумя приведенными легендами замѣ-

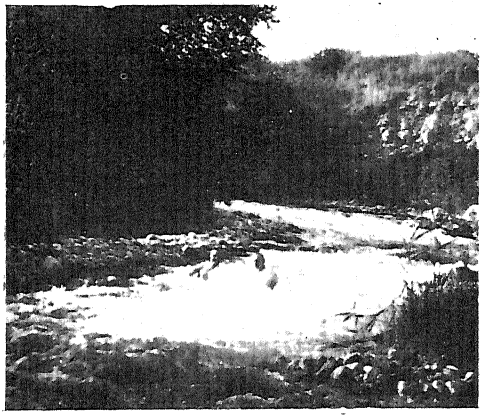
чается кой какая невязка, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что обѣ онѣ подтверждаютъ красоту и богатство природы на горныхъ склонахъ Арысланбобскаго сада.

Рѣчка течетъ по уклону съ совершенно исключительной скоростью. Вся она пѣнится, бѣлая, бурная, дикая, и вьется по узкому руслу, то прячась за гущей растеній, то вновь вылетая наружу. Вдоль праваго горнаго берега пролегаетъ верховая дорога изъ Чарвака въ Арысланбобъ, а по лѣвому берегу, столь же высокому, расположенному среди плодовыхъ деревьевъ,—посѣвы овса и пшеницы, т. е. владѣнія русскихъ крестьянъ...

Первое мое впечатлѣніе было не совсѣмъ подходящее: мнѣ сдѣлалось жалко садовъ, несомнѣнно обреченныхъ на гибель,—мнѣ вандализмомъ представилось насажденіе здѣсь землепашества, хотя бы даже и русскаго.

И добро бы этотъ садъ заселялся народомъ надежнымъ, какъ, напримѣръ, Алексѣевцы,—а то именно элементомъ «похуже». Случилось это совершенно естественно: отъ Чарвака, на югъ—къ Андижану, лежитъ большая дорога. На сѣверъ отъ Чарвака—верховая тропа на туземный курортъ и мѣсто паломничества. Такимъ образомъ, тотъ земельный участокъ, гдѣ нынѣ надѣлы Воздвиженскаго, непосредственно примыкаетъ къ весьма оживленному издавна туземному центру,—скорѣе торговому, чѣмъ земледѣльческому. Поэтому, здѣсь самовольцы уже иного характера и, въ частности, спиртъ процвѣтаетъ несмотря на запрещеніе начальства. При мнѣ уличались крестьяне въ тайной продажѣ вина...

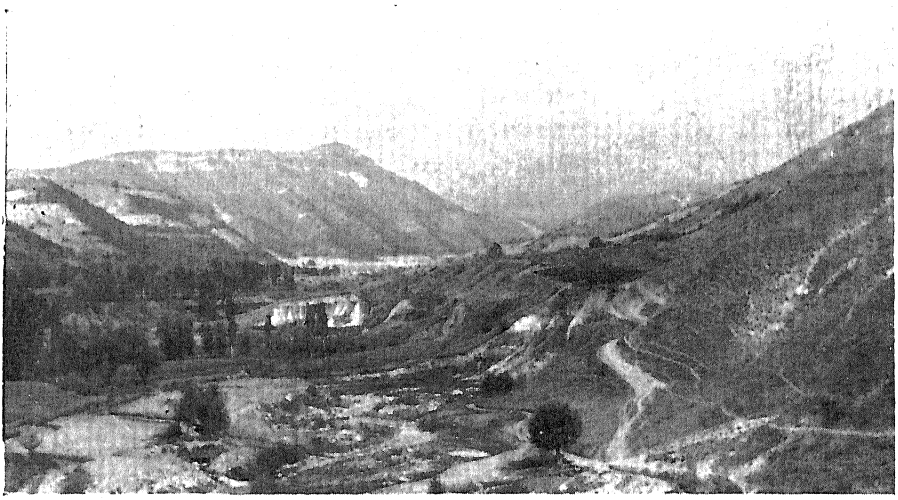
А съ другой стороны лишь немногіе изъ устроенныхъ здѣсь переселенцевъ правильно учитываютъ все то богатство, которое имъ въ руки попало. Нѣкоторымъ даже не особенно нравится (sic), такъ какъ мѣстность «не ровная» и «деревъ»—видите ли—

Душъ Шарко.

слишкомъ много... А что сдѣлали бы съ этакой цѣнностью другіе хозяева?..

Посѣвы удались превосходно, до 200 пудовъ съ десятины пшеницы,—да и какъ имъ въ саду не удаться?! Хозяева—люди съ достаткомъ, посѣвъ, въ среднемъ, 10 десятинъ на семью изъ 15 пахотной богарной, — скота 5—6 крупныхъ головъ при 3 десятинахъ сѣнокоса и 11 подъ выгонъ на дворъ. Близъ многихъ посѣвовъ разводятся пасѣки, причемъ хозяева, кто поумнѣе, рѣшаютъ переносить свои хаты сюда, т. е. зажить хуторами.

Долина Арысланбоба.

Всѣ теперь надѣленные здѣсь казенной землею получили также казенную ссуду—по примѣру сибирскихъ засельщиковъ.

. . . . . .

Двое сутокъ провелъ я «въ раю»—удовольствіе самое рѣдкое. И мой гостепріимный хозяинъ—милѣйшій инженеръ гидротехникъ переселенческой организаціи—дѣлалъ все, что возможно, чтобы отвлечь меня отъ несоотвѣтственныхъ мыслей. Въ числѣ его средствъ самымъ дѣйствительнымъ было купаніе въ рѣчкѣ, т. е. иначе—принятіе душа Шарко, настолько тамъ, вслѣдствіе силы потока, трудно удержаться на мѣстѣ, несмотря на всю мелкость потока. Вода свѣжая,

хрустально прозрачная, долго не покупаешься—смерзнешь, зато какое наслажденіе послѣ знойнаго лѣтняго дня! Вечера здѣсь довольно прохладные, росные—совсѣмъ какъ въ центральной Россіи, а по утрамъ положительно холодно, но здоровою, бодрящею свѣжестью.

Этотъ холодъ—отъ Арысланбобской громады, встающей здѣсь прямо предъ вами своими снѣговыми вершинами и отчетливо видными ледниками. Прямымъ путемъ до отрога верстъ приблизительно 20, а здѣсь онъ уже кажется рядомъ.

Переѣзжаемъ черезъ потокъ на ту сторону и ѣдемъ къ кишлаку Арысланбобу—къ сѣверу по Чарвакской дорогѣ. Здѣсь такой же замѣчательный садъ, и путь живописенъ на рѣдкость, такъ какъ внизу бурлитъ рѣчка, сверху лѣсные массивы, а сама верховая тропа лѣпится широкою извилистой лентой между вѣковыми деревьями,—настоящая, словомъ, аллея. Прогулка—одно удовольствіе, подъемъ почти не замѣтенъ и съ каждаго новаго мѣста, стоитъ лишь выѣхать изъ подъ тѣни на залитую солнцемъ дорожку, открываются виды одинъ лучше другого.

Встрѣчаемъ не мало туземцевъ, на лошадяхъ и ослахъ, — селеніе Арысланбобъ считается не только священнымъ, но и лучшею климатическою станціей. Многіе богатые сарты, пренебрегая нѣкоторымъ неудобствомъ для женщинъ ѣхать верхомъ верстъ 15, все же сюда направляются цѣлыми семействами на дачу, оставляя въ Чарвакѣ экипажи — нерѣдко на резиновыхъ шинахъ.

И не одни только сарты. Ближе къ кишлаку Арысланбобу, и по мѣрѣ расширенія долины, здѣсь и тамъ видны бѣлые домики — фермы, среди натуральныхъ садовъ.

Могила праведника Арысланбоба.

Дорога-аллея отъ Чаргака къ Арысланбобу.

Оказывается, что это тоже русскіе люди — тѣ же, собственно, переселенцы, но только въ роли арендаторовъ казенныхъ оброчныхъ статей, на условіяхъ ихъ окультуренія. Для того, чтобы получить въ льготную аренду участокъ, нужно обязаться завести здѣсь хозяйство, и вотъ вездѣ виднѣются ульи, какъ признакъ выполненія условія, а усадьба нерѣдко сдается подъ дачи большею частью русскимъ пріѣзжимъ...

Колоссальныя богатства кроются во всѣхъ этихъ лѣсныхъ насажденіяхъ, садахъ, заполняющихъ окрестныя горы. И до смѣшного ни чтожными кажутся цѣны, выручаемыя казною за сборъ, напримѣръ, грецкихъ орѣховъ. Боюсь ошибиться, но кажется, что за монополію этого сбора на всѣхъ многихъ десяткахъ тысячъ десятинахъ земли, кто то уплачиваетъ лишь нѣсколько тысячъ рублей ежегодно. Но это было бы еще ничего: гораздо хуже то обстоятельство, что въ эти роскошные парки всюду свободно допускается для выпаса скотъ здѣшнихъ киргизовъ за минимальную плату. Также безъ указанія мѣста выдаются билеты и «на лѣсныя побочныя пользованія». И въ результатѣ такого порядка, которымъ, кстати сказать, лѣсообъѣздчики будто бы пользуются не безъ умѣнья, получается, по отзывамъ людей достовѣрныхъ, расхищеніе мѣстной природы въ ущербъ даже интересамъ казеннымъ. Но это «къ слову»...

Сворачиваемъ съ дороги налѣво—хочется подняться по возможности выше, благо здѣсь вьется на верхъ узкая аллея—тропинка. Еще наша цѣль—посѣтить одного русскаго пасѣчника, арендатора оброчной статьи, выбравшаго себѣ почему то участокъ на самой вершинѣ горы,— среди дремучаго сада.

Первое время поднимаемся круто, но въ достаточной мѣрѣ удобно, минуя мелкія луговыя терраски, и безъ особаго труда отстраняясь отъ фруктовыхъ деревьевъ, слишкомъ иной разъ настойчиво предлагающихъ вамъ то сливы, то яблоки. Птицы поютъ, обрывистость скрыта деревьями, отъ тѣни которыхъ не жарко,—благодать, да и только.

Уже совсѣмъ высоко и близко отъ цѣли находимъ лѣсныя озера—красоты замѣчательной, чистыя, большія, прозрачныя, въ рамкѣ камышей и деревьевъ, отражающія только небо и снѣгъ отъ близкой Арысланбобской вершины. Здѣсь панорама чудесная на всю окружную мѣстность, и мы невольно любуемся ею—дольше, пожалуй, чѣмъ слѣдуетъ.

Чтобы наверстать время, рѣшаемъ слѣдовать дальше не прежней удобной дорогой, а прямо—какою то тропкою. Это рѣшеніе приводитъ къ тому, что мы сразу запутываемся въ массѣ кустарника, страдаемъ отъ всякихъ колючекъ и, проблуждавъ болѣе часа безъ всякаго толку, наконецъ находимъ то самое мѣсто, отъ котораго поѣхали «прямо». Такъ и не попали, мы къ русскому пасѣчнику, и не безъ насмѣшки, навѣрно, наблюдали возвращеніе туристовъ парившіе надъ нами орлы.

Кишлакъ Арысланбобъ расположенъ на высокомъ бугрѣ, какъ на островѣ среди широкой долины. Пирамидальные тополя, грецкій орѣхъ, кленъ и вязы густо заполняютъ кишлакъ, и дѣйствительно мѣсто здѣсь чудное. Именно здѣсь изъ потока, непосредственно съ горъ, образуется прекрасная рѣчка, возлѣ которой мы поднима-

Лѣсное горное озеро близъ Арысланбоба

лись, и широкое русло ея, полное бѣлаго камня, чрезвычайно эффектно на солнцѣ. Здѣсь же и могила «пророка»,—два стариннѣйшихъ зданія съ бунчуками и флагами. Какого именно, т. е. того ли, кто здѣсь обрѣлъ рай, или садовника Арысланбоба—не знаю.

Отъ кишлака поднимаемся выше и выше, прямо по направленію къ снѣговому отрогу. Возвышенія далеко ужъ не «мягкія»,—по крайней мѣрѣ мы ѣдемъ надъ обрывомъ

Дорога-аллея. Препятствіе.

такой глубины, что невольно отклоняешься къ стѣнкѣ и предпочитаешь не любоваться окрестностями. Наконецъ пропасть завершается скалами. Съ одной изъ нихъ, саженъ на 30, низвергается водопадъ съ страшной силой,—оставляемъ лошадей на верху и лѣземъ по камнямъ въ ущелье. На полъ-высотѣ большая пещера и флагъ: значитъ мѣсто «святое», и, конечно, встрѣчаемъ двухъ муллъ, стерегущихъ основательный камень... Низкій поклонъ за монету, и можно уже наблюдать паденіе воды совсѣмъ близко,—насколько, однако, позволяютъ подойти безчисленныя, бурныя брызги.

Опять на коней и опять вверхъ и вверхъ, теперь уже, впрочемъ, по лѣсу. Скоро полянка, другая, обѣ засѣяны хлѣбомъ; среди лужайки столбы межевые, и, наконецъ, на вершинѣ подъема—пасѣки и чьи то жилища.

— «Благодатный»— новый русскій поселокъ, только

что образованный переселенческой организаціей въ лѣсо-степной и луго-степной естественной зонѣ у подошвы снѣжной Арысланбобской горы.

Здѣсь, на высотѣ до 7 тысячъ футовъ, и пока безъ колесной дороги, изъявили желаніе селиться 10 семействъ самыхъ обыкновенныхъ крестьянъ малороссовъ, нашедшихъ что «лучше не надобно». Дѣйствительно: по 70 десятинъ

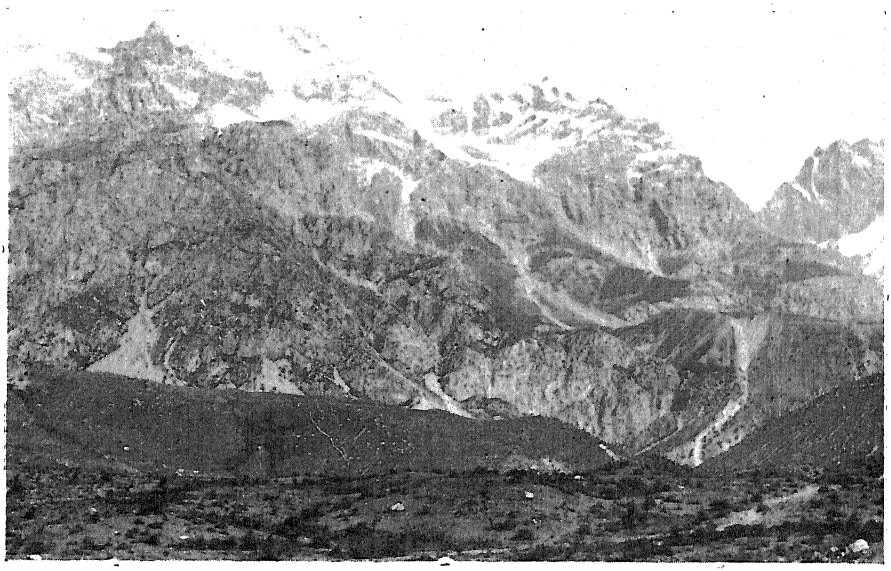

Въ лѣсу-саду близъ Благодатнаго.

на семью, изъ коихъ по 6 поливныхъ и 3 богарныхъ черноземныхъ и отмѣнныхъ по плодородію подъ пашню, а остальное—выгонъ, покосы и лѣсъ, съ богатой предгорной растительностью; неподалеку отъ участка находится субальпійская зона альпійскихъ горныхъ пастбищъ, оставленныхъ въ расчетѣ на могущія возникнуть впослѣдствіи потребности въ границахъ казенной дачи, окаймляющей съ трехъ сторонъ Благодатный *. Климатъ здѣсь умѣренно жаркій съ частой росой и дождями, при мягкой и снѣжной зимѣ,—почва, какъ сказано, луго-степная и только у самаго хребта Арысланбоба слегка щебневатая.

* Кстати: при современномъ положеніи дѣла, когда люди и скотъ допускаются въ казенныя дачи безъ указанія на мѣсто, гдѣ должно происходить то или иное использованіе этой дачи—подобное окаймленіе переселенческаго участка, при всѣхъ, быть можетъ, выгодахъ въ будущемъ—теперь не удобно, такъ какъ постоянно случаются потравы переселенческихъ посѣвовъ киргизскимъ скотомъ и нежелательныя недоразумѣнія съ туземцами.

На самой вершинѣ участка Благодатнаго, этого послѣдняго передъ снѣгами «мягкаго» лѣсного бугра, нѣтъ, при всей влажности климата, никакой естественной рѣчки, и переселенцы рѣшили спуститься съ постройками ниже, къ рѣкѣ, что течетъ къ кишлаку Арысланбобу, оставивъ на верху—«ближе къ Богу»,—какъ не могъ не пошутить сивоусый переселенецъ полтавецъ—свои полевые участки.

Выгонъ участка Благодатнаго.

Здѣсь, внизу, рѣчка совсѣмъ какъ ручей, но еще болѣе быстрая, еще болѣе чистая. И видно въ хорошій бинокль, какой огромной водопадной струею она бѣжитъ съ ближайшаго ледника. А щебень переселенцы выбираютъ руками, и вся площадь почти ужъ очищена...

Оправдаетъ ли Благодатный свое красивое имя?

Нѣтъ никакого сомнѣнія,—по крайней мѣрѣ въ этомъ увѣрены сами господа новоселы—опять-таки люди серьезные, сильные, уже успѣвшіе развить здѣсь то же хозяйство, что, напримѣръ, въ Алексѣевскомъ, заложить хорошія пасѣки, завести крупный скотъ и обжиться.

Отъ Днѣпра къ Арысланбобу, съ мягкихъ степей на отроги скалистые, изъ курскихъ черноземныхъ низинъ на горныя альпійскія пастбища—вотъ дѣйствительность пере-

селенія русскаго... И подобно тому, какъ изъ Кугартской долины всюду снизу распространялось заселеніе русское и основались такіе не оставляющіе сомнѣнія въ ихъ происхожденіи поселки какъ Багратіоновскій, Черняевскій, Скобелевскій, Отрадное, Бородинскій, Кутузовскій, Крутыя-Горки и прочіе,—такъ же точно съ высотъ Благодатнаго можно уже обнаружить селенія Платовское, Порѣчье, Гаврилово, Маріинское, Лѣски, Александровское, Петропавловское, Новоселье, Холмы и другія, не считая еще хуторовъ, разбросанныхъ гдѣ только можно...

Все это—на площади діаметромъ верстъ въ 60, чрезполосно съ владѣніями киргизскими.

Не вправѣ ли мы, на основаніи подобныхъ примѣровъ заключить о созданіи русскими здѣсь новаго края, если даже не въ настоящій моментъ, то хотя бы въ непродолжительномъ будущемъ?

VIII.

Свѣтъ и тѣни колонизаціи.—Свободное народное творчество.—Новый Туркестанъ.—Перспективы широкія.—Участіе государственной власти.—Современная политика въ колонизаціи.—Особенности Туркестанскаго края.—Качественный подборъ переселенцевъ.—Уравнительность ссудъ.—Не безвозмездное предоставленіе земель.—Соображеніе ихъ свойствъ при распредѣленіи колонизаціоннаго фонда.—Церкви, школы, агрономическая помощь, больницы.—„Веселіе Руси“ въ Туркестанѣ.—Лучи Русскаго солнца.

Внимательнымъ, по мѣрѣ возможности, взоромъ мы окинули рядъ поселеній русскихъ людей въ Ферганѣ—типичной и разнообразной по свойствамъ области Туркестанскаго края. При этомъ, изъ возникшихъ вновь центровъ указаны только лишь нѣкоторые, ибо читателю вовсе не важно дѣлать съ нами весь длительный путь, не всегда одинаково красочный, но вездѣ подтверждающій то, что бросалось въ глаза и въ описанной выше, наиболѣе интересной, экскурсіи.

Важно имѣть почву для выводовъ. А Туркестанъ—это такая страна, гдѣ свѣтъ и тѣни чрезвычайно контрастны, и гдѣ нѣтъ надобности для ихъ распознаванія вооружаться приборами сложными...

И вотъ, наиболѣе свѣтлою, едва-ли не ослѣпительною, стороною всего нами видѣннаго—нужно признать то свободное русское народное творчество, которое выражается здѣсь въ мирномъ освоеніи окраины,—въ независимомъ часто отъ воли правительства пріобщеніи пустынныхъ доселѣ пространствъ Туркестана къ общегосударственной, культурной и хозяйственной жизни.

Такія вещи описывать и доказывать цифрами трудно, но стоитъ хотя бы разъ побывать на всѣхъ этихъ поливныхъ сѣроземахъ, сухой и злаковой степи, въ лѣсо-степи, въ степи луговой, и наконецъ, въ зонѣ пастбищъ альпійскихъ, и увидѣть, какъ всюду съ интенсивной стихійностью вырастаютъ русскіе центры, отъ которыхъ затѣмъ распространяются и навыки русскіе—и тогда всякій увѣрится что «новый» Туркестанъ нарождается, и что широкія перспективы грядущаго, въ связи съ этимъ, уже намѣчаются. Использованіе пока еще мертвыхъ, но плодороднѣйшихъ по орошеніи, огромныхъ низинныхъ пространствъ подъ хлопокъ, въ цѣляхъ снабженія впослѣдствіи всего нашего рынка продуктами своего производства; освоеніе еще большихъ по размѣру предгорій для столь нужнаго здѣсь земледѣлія и культурныхъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ, укрѣпленіе при всемъ этомъ надежнымъ народнымъ оплотомъ внѣшнихъ границъ государства и распространеніе славянской культуры въ толщу тюрко-монгольскихъ народностей,— все это предстоитъ еще сдѣлать при посредствѣ переселенія, какъ главнаго естественнаго и испытаннаго способа нашей колонизаціи.

Конечно, русскій народъ это сдѣлаетъ. Онъ разовьетъ производительныя силы богатѣйшаго Туркестанскаго края до предѣловъ его воистину блестящихъ возможностей, онъ заставитъ сверкать этотъ новый брилліантъ среди другихъ русскихъ цѣнностей еще невиданными самоцвѣтными красками,—какъ уже оживилъ онъ вѣками спавшую, прекрасную царевну Сибирь... Но - вопросъ весь во времени.

До недавняго, сравнительно, прошлаго, какъ мы выше указывали, туркестанское переселеніе доброжелательствомъ власти не пользовалось, и больше того—запрещалось. Но именно здѣсь ярче чѣмъ гдѣ бы то ни было выяснилось безсиліе подобныхъ велѣній, и, вопреки таковымъ, все же нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ—горсточка храбрыхъ—«растеклась мысью по Туркестанскому древу» среди враждебныхъ иноплеменниковъ, въ необычныхъ и трудныхъ условіяхъ. И если не знать русской исторіи, и забыть, что народное движеніе къ Востоку составляло неизмѣнно присущее русской жизни явленіе, и что этимъ движеніемъ была создана вся азіатская Русь, то и сейчасъ можно было

бы стать втупикъ передъ вопросомъ: что влекло сюда переселенцевъ?...

Но въ данномъ случаѣ важно, что при иномъ отношеніи правительства уже теперь, очевидно, Туркестанъ далъ бы все то, что мы вправѣ ожидать отъ него только въ будущемъ... Могучее теченіе народной волны всемѣрно задерживалось...

Нынѣ наступаетъ, какъ видно, періодъ благожелательства къ колонизаціи. При этомъ цѣннѣе всего то обстоятельство, что, въ связи съ общимъ измѣненіемъ политики, уже немыслимымъ какъ будто бы, дѣлается возвратъ къ недавнему прошлому, ибо слишкомъ очевидной представилась вся польза для государства отъ передвиженій народа.

Теперь, облегченіе этого дѣла уже составляетъ, повидимому, основу современнаго курса, и значитъ нужно ждать ускоренія процесса естественнаго. Но для того, чтобы прежнее промедленіе времени не оказалось для насъ «смерти безвозвратной подобно», чтобы пріобщеніе всего Туркестана къ національной культурѣ отнынѣ двинулось по пути не только кратчайшему, но и правильному,—необходимо, казалось бы, помимо отпуска весьма крупныхъ средствъ на общее содѣйствіе переселенцамъ, обусловить заселеніе здѣшнихъ земель примѣненіемъ постановленій особыхъ, какъ вытекающихъ изъ чисто мѣстныхъ условій, такъ и диктуемыхъ здравымъ разсудкомъ,—хотя бы и вопреки «правовѣрнымъ» теоріямъ.

Выше пришлось указать, что въ Туркестанъ вообще, наряду съ переселенцемъ «серьезнымъ», т. е. мечтающимъ лишь о трудѣ и о сравнительномъ земельномъ просторѣ, являлись нерѣдко бродяги, не имѣющіе гроша за душой и ожидавшіе здѣсь найти не только рѣки молочныя и берега кисельные, но и наживу легкую. При этомъ всѣ одинаково признавались людьми «самовольными», такъ какъ никто въ Туркестанъ ихъ не звалъ, и, въ итогѣ,—всѣ одинаково устраивались на казенной землѣ, совмѣстно образуя поселки.

Отсюда получалась, какъ мы видѣли на примѣрѣ поселковъ Кугартской долины, прежде всего пестрота насе-

ленія этнографическая, никакой особой бѣды не представляющая, и съ тѣмъ вмѣстѣ, пестрота населенія качественная, со стороны духовной и нравственной, столь важной именно здѣсь, на окраинѣ, гдѣ русскіе люди—впервые, и гдѣ по первымъ пришельцамъ судятъ вообще о свойствахъ державнаго племени. Эта послѣдняя, специфическая, пестрота новоселовъ играетъ здѣсь печальную роль.

«Настоящій» переселенецъ, помолясь жарко Богу, съ огромнымъ напряженіемъ физическихъ силъ, воли и мысли принимается за плугъ и лопату. Труда не жаль этимъ людямъ. Они буквально ворочаютъ горы въ надеждѣ скорѣе «обжиться», они готовы отъ всего отказаться лишь бы скорѣе стать на ноги. Добрые сосѣди туземцамъ, такіе колонизаторы перенимаютъ отъ нихъ въ первый же годъ все, что можно, а глядишь еще черезъ годъ или два—прежній кочевникъ киргизъ засѣиваетъ уже поле пшеницею, а сартъ—представитель тысячелѣтней первобытной туземной хлопковой культуры—вдругъ пріобрѣтаетъ машины... Это—переселенцы нормальные, благополучіе которыхъ впереди обезпечено, какъ обезпечено и превращеніе заселяемаго ими района—хотя бы и на краю даже свѣта—въ настоящую русскую землю, какъ по облику, такъ и по содержанію.

Рядомъ съ этимъ народомъ—другой элементъ, вышеупомянутаго, бродячаго типа. Нѣкоторые изъ нихъ именно здѣсь «устаютъ» отъ всякихъ невзгодъ и злоключеній, а потому и принимаются кое какъ за обработку земли, безъ достаточнаго впрочемъ усердія и результата, а иные такъ и остаются бродягами по существу, предоставляя свои надѣлы въ аренду, и меньше всего озабочиваясь созданіемъ крѣпкихъ хозяйствъ. Отсутствіе трудовой подготовки и стремленіе къ жизни полегче, при тяжелыхъ первоначально условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ, приводитъ подобныхъ людей обыкновенно къ дѣйствіямъ совсѣмъ нежелательнымъ: тутъ и безсмысленная рубка деревьевъ,—безсмысленная потому, что переселенцамъ дается достаточно казеннаго лѣса,—и небрежное отношеніе къ арыкамъ, влекущее за собою ихъ засореніе, и сведеніе на нѣтъ старинныхъ сооруженій, и прочія тому подобныя «шалости» – доселѣ здѣсь неизвѣстныя. А хуже всего—распространеніе пьянства.

И вотъ, образуется новый поселокъ, населенный столь

разными типами. На первыхъ порахъ, когда хозяйства еще не наладились, когда вновь пришедшіе серьезные люди, не начали еще себя чувствовать ставшими на ноги крѣпко,— психологически понятнымъ дѣлается и нравственное колебаніе крестьянина. Онъ не увѣренъ еще въ завтрашнемъ днѣ, безпокоится, а рядомъ—примѣръ легкой наживы, и подъ рукою забвеніе, въ видѣ проклятаго «шкалика»... Не всегда и удержишься, но вотъ тутъ-то и обнаруживается свойство крѣпкой русской натуры: постепенно, съ упроченіемъ своей экономики, неизбѣжнымъ при маломальской затратѣ труда, переселенецъ быстро беретъ себя въ руки, и первое, что заставляетъ его отвернуться иной разъ и отъ водки, это—поголовно воспитываемое познаніемъ новыхъ условій въ каждомъ пришедшемъ на чужбину крестьянинѣ сознаніе собственнаго достоинства, граничащее часто съ самоувѣренностью: мы-де не какъ нибудь!

И уже замѣчается въ старыхъ поселкахъ не только рѣзкое уменьшеніе пьянства и вообще «озорства», но и презрительное обхожденіе съ кабатчиками и иными подозрительными личностями, вплоть до выселенія ихъ приговоромъ и самостоятельнаго ихъ выдворенія на поиски лучшаго... А вслѣдъ за тѣмъ и общее повышеніе нравовъ.

Что же говорятъ эти факты? Только лишь то, что вслѣдствіе всеобщаго, равнаго, безъ разбора, устройства пришлыхъ людей въ Туркестанѣ—затруднялся до сихъ поръ настоящимъ переселенцамъ, въ дополненіе къ другимъ запретительнымъ мѣрамъ, и безъ того не легкій процессъ водворенія,—что этимъ «справедливымъ» устройствомъ отдалялось на неопредѣленное время и даже ставилось иной разъ на карту благополучіе самыхъ надежныхъ засельщиковъ... Счастье, что всюду озорниковъ и бездѣльниковъ мало, и если они успѣли всетаки оказать вліяніе на массу, если по отдѣльнымъ ихъ дѣйствіямъ въ иныхъ, прискорбнѣйшихъ, случаяхъ составилось мнѣніе о Русскомъ, совершенно противное истинѣ, то скоро картина мѣняется...

До сихъ поръ все это перерабатывали и исправляли с а м и крестьяне. Но нужно надѣяться, что современная власть теперь придетъ къ нимъ съ посильной помощью, облегчивъ колонизацію прежде всего надлежащимъ п о д б о р о м ъ засельщиковъ.

Начало такому подбору, хотя и одностороннее, положено въ проектъ заселенія Голодной Степи: только тотъ тамъ получитъ участокъ, кто обладаетъ имуществомъ цѣнностью въ тысячу рублей, либо кто раньше арендовалъ землю здѣсь, въ краѣ. Но если этотъ признакъ имущественнаго достатка пріемлемъ какъ нѣкоторая гарантія успѣшности новаго, требующаго особыхъ первоначальныхъ расходовъ, хозяйства съ цѣнной хлопковой культурой, то на богарныхъ поляхъ Туркестана, гдѣ интенсивность и рентабельность не столь значительны, и гдѣ прежде всего нужны трудъ и люди—признакъ этотъ совсѣмъ не пригоденъ. Слѣдуетъ смотрѣть проще.

Переселенческой организаціи должно быть закономъ предоставлено право отбирать разъ отведенную землю у тѣхъ, кто въ извѣстный срокъ не докажетъ своихъ положительныхъ свойствъ, какъ хозяина.

И пусть будетъ здѣсь лучше элементъ «усмотрѣнія» со стороны переселенческой власти, чѣмъ современное, почти безусловное, общее право пришельцевъ оставаться на казенной землѣ.

Это — первое, къ чему слѣдовало бы рѣшительно придти въ Туркестанѣ, благо и выборъ огромнѣйшій—до 10 тысячъ неустроенныхъ еще самовольцевъ—несомнѣнно переселенцевъ серьезныхъ.

Второе—вытекаетъ изъ перваго. А именно. Повсемѣстно въ азіатской Россіи теперь признается за правило, что переселенцы въ различныхъ мѣстахъ, въ зависимости отъ трудности заселенія послѣднихъ, должны пользоваться неодинакими льготами. Это начало пока проводится новымъ закономъ въ отношеніи размѣровъ ссудъ на устройство хозяйства, но его же имѣется въ виду примѣнить и въ дѣлѣ собственно землеотводномъ: въ лучшихъ мѣстахъ не надѣлять землею даромъ, но продавать эту землю на льготныхъ условіяхъ.

А въ Туркестанѣ? Интереснѣе всего, что, несмотря на закрытость и по сю пору этого края для переселенія, т. е. невыдачу сюда ходаческихъ и проходныхъ свидѣтельствъ, расписаніе здѣсь ссудныхъ нормъ по закону объявлено. Нормы эти такія: на всемъ пространствѣ областей Туркестана, кромѣ Заалайскаго и Памирскаго погра-

ничныхъ районовъ—165 рублей на семью. Такимъ образомъ въ Голодной Степи, на поливномъ и исключительно цѣнномъ надѣлѣ, близъ станцій желѣзной дороги и въ отрѣзанномъ пока отъ міра Солдатскомъ—одинаковое воспособленіе, носящее притомъ по закону характеръ обязательной выдачи, независимо отъ надобности и личности каждаго, а иногда и вовсе утрачивающее значеніе всегда принципіально умѣстной кредитной помощи, вслѣдствіе послѣдующаго «сложенія» долга... Съ другой стороны, вездѣ въ Андижанскомъ уѣздѣ и частью въ Голодной Степи условія хозяйства и жизни блестящи—гораздо лучше чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ центральной Россіи, и, конечно, значительной части Сибири, гдѣ тѣ же переселенцы,—но въ худшихъ условіяхъ, а потому и болѣе нуждающіеся.—либо лишены вовсе ссудъ, либо получаютъ по сто и по полтораста рублей. Къ тому же притокъ переселенцевъ въ Туркестанъ всегда превышалъ и превышаетъ возможность ихъ устройства, и такимъ образомъ не находитъ себѣ примѣненія, повидимому, и та идея новаго закона о ссудахъ,—чтобы «разнообразіе нормъ ссудной помощи, содѣйствуя болѣе равномѣрному распредѣленію переселенцевъ по отдѣльнымъ районамъ Азіатской Россіи, служило бы государственной власти своего рода дополнительнымъ регуляторомъ движенія переселенцевъ» *.

Необходимо приблизить ссудныя нормы „къ обстоятельствамъ“, „къ людямъ“ и „къ мѣсту“.

Далѣе: неужели возможно отдавать на одинаковыхъ основаніяхъ надѣлы участковъ Воздвиженскаго, и, близъ снѣговъ, Благодатнаго? И на точно такихъ же какъ въ таежной и урманной Сибири? Совсѣмъ не въ даровомъ надѣленіи нуждаются всѣ здѣшніе переселенцы, ибо многіе изъ нихъ легко арендуютъ большія пространства, и несомнѣнно зажиточны. Нѣсколько десятковъ рублей уже назначено въ уплату за участокъ въ Голодной Степи въ возмѣщеніе расходовъ на орошеніе: чѣмъ оправдывается даровая раздача хотя бы и менѣе цѣнныхъ, но во всякомъ случаѣ натурально превосходныхъ, земель, на которыя все же необходимо затрачивать казенныя средства, чтобы облег-

* Объясн. зап. къ законопроекту, стр. 5.

чить ихъ заселеніе и эксплоатацію? И почему переселенцы старожилыхъ кугартскихъ поселковъ съ радостью платятъ свои 20 рублей съ десятины лишь за право остаться на нихъ, а позднѣе пришедшіе, хотя бы и на лучшія земли, получаютъ ихъ безвозмездно. Удастся ли даромъ устроить всѣ 10 тысячъ переселенцевъ, ожидающихъ теперь очереди, именно въ лучшихъ мѣстахъ Туркестана? И не проще ли было бы обратить хотя бы и ничтожную плату за эти самыя земли на созданіе близъ нихъ благопріятныхъ общихъ культурныхъ условій?..

Земля государственная должна поступать въ руки лишь тѣхъ, кто можетъ и умѣетъ ею пользоваться, и притомъ за извѣстную плату—иногда на очень льготныхъ условіяхъ.

Если вспомнитъ читатель, въ Воздвиженскомъ превосходные надѣлы садовой природной культуры, причемъ многіе переселенцы смущаются: «хорошо — это вѣрно, да развѣ мы огородники»?.. И они по своему правы, такъ какъ здѣсь мѣсто для промысловъ — въ частности для садоводовъ. Затѣмъ, чуть выше расположенъ участокъ, тѣмъ на немъ роскошнѣе пастбища, невиданныя по богатству и мощности, и переселенцы нерѣдко чувствуютъ себя на нихъ затрудненными, не имѣя возможности, и не умѣя использовать ихъ надлежаще. Въ то же время въ переселенческомъ управленіи въ Ташкентѣ копятся просьбы многихъ предпріимчивыхъ лицъ о предоставленіи имъ для культурнаго скотоводства участковъ на общую площадь въ 15.000 десятинъ...

Въ виду этого невольно задаешься вопросомъ: почему такъ называемый «переселенческій» фондъ долженъ быть весь пригоденъ только для пашни, и не время ли, въ связи съ всесословнымъ началомъ въ переселеніи и расширеніемъ задачъ колонизаціи, водворять скотоводовъ, лѣсоводовъ, промышленниковъ наравнѣ съ земледѣльцами, но лишь на разнаго размѣра участкахъ?

Необходимо различать колонизаціонный фондъ по естественному предназначенію земель и соотвѣтственно распредѣлять таковыя.

И теперь многіе переселенцы, какъ сказано, развиваютъ свое скотоводство на арендованныхъ у киргизовъ участкахъ. Но эти арендныя сдѣлки съ формальной стороны не дѣйствительны, такъ какъ туркестанскимъ киргизамъ-

кочевникамъ права сдавать въ наемъ земли, хотя бы послѣ отграниченія, не предоставлено, и тѣмъ затрудняется хозяйственная иниціатива тѣхъ же русскихъ пришельцевъ. Кстати здѣсь нужно замѣтить, что киргизы туркестанскаго края въ огромномъ большинствѣ полу-осѣдлые, и тѣ нормы кочевыя, по которымъ теперь ихъ устраиваютъ, несомнѣнно для киргизовъ чрезмѣрны, чѣмъ и объясняется столь легкая сдача въ аренду излишковъ. Но такъ или иначе, получивъ надѣлъ окончательно, киргизы почему то не сравниваются въ основаніяхъ владѣнія землею съ остальными туземцами, тогда какъ, казалось бы, предоставленіе осѣдлымъ киргизамъ общаго права полнаго распоряженія землею привело бы къ результатамъ положительнымъ. А теперь даже у сартовъ русскіе пришельцы пріобрѣсти землю большею частью не могутъ, такъ какъ цѣны непомѣрно велики, а кредита надлежащаго нѣтъ.

Слѣдуетъ возможно скорѣе признать нѣкоторыхъ туркестанскихъ киргизовъ осѣдлыми, предоставивъ имъ соотвѣтствующія на землю права, и вообще распространить на Туркестанъ дѣятельность крестьянскаго банка.

Всѣ русскіе переселенцы туркестанскаго края, какъ бы ни была кругомъ роскошна природа, все-же долго тоскуютъ по родинѣ. И обязанность государственной власти всецѣло придти имъ на помощь созданіемъ соотвѣтственной русской душѣ обстановки. Съ другой стороны, тѣ же русскіе большею частью совершенно безпомощны, заводя хозяйство «на нови»—имъ нужно учиться у сартовъ, просить послѣднихъ о помощи. Едва ли не къ ихъ знахарямъ приходится обращаться крестьянамъ и въ случаѣ заболѣваній, такъ какъ только пять медицинскихъ переселенческихъ пунктовъ открыто во всемъ Туркестанѣ. Такое положеніе вещей нельзя признать нормальнымъ, и большіе кредиты должны быть ассигнованы, въ дополненіе къ теперь незначительнымъ, на:

Церкви, школы, агрономическую помощь, больницы.

Наконецъ, правительство о б я з а н о подать помощь народу въ дѣлѣ искорененія пьянства—единственной дѣйствительно мрачной стороны новой жизни этой старой страны. Въ кугартскомъ селеніи Михайловскомъ,—въ томъ селеніи, что устроено было мѣстной администраціею совсѣмъ безъ

разбора засельщиковъ—выпито было въ минувшемъ году пять тысячъ ведеръ водки при 200 съ лишнихъ дворахъ; въ Ивановскомъ—лишь нѣсколько менѣе, въ Воздвиженскомъ—соотвѣтственно столько же. И лишь въ предгорныхъ поселкахъ переселенцевъ, куда не такъ то легко и добраться, и гдѣ не было поэтому мѣста, ни одной подозрительной личности—пьянства не наблюдалось: естественный подборъ новоселовъ. Но и вообще, если принять во вниманіе, что нынѣ даже туземцы, вопреки шаріату, пьютъ горькую, то въ интересахъ престижа русскаго имени и экономическаго процвѣтанія страны необходимо—

Прекратить въ сельскихъ мѣстностяхъ края всякую продажу питей.

Соотвѣтствующая попытка, увы, мѣсто имѣла... Это въ связи съ пожеланіемъ Государственной Думы о томъ, чтобы на земляхъ, отведенныхъ подъ переселеніе, продажи спиртныхъ напитковъ не производилось. * По отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ введена казенная продажа вина, вопросъ разрѣшался не сложно: можно было просто отдать нужное распоряженіе; что-же касается районовъ внѣ монополіи, къ каковымъ относится и Туркестанъ, то здѣсь администраціи предоставлено право пресѣкать лишь раздробительную продажу напитковъ, оптовыя же заведенія, т. е. для такихъ потребителей, которые пріобрѣтаютъ не менѣе трехъ ведеръ водки единовременно,—открываются безъ ея вѣдома... Само собою разумѣется, что вслѣдъ за намѣреніемъ туркестанской администраціи «пресѣчь» еще въ 1907 году раздробительную продажу,—едва-ли не въ каждомъ селеніи открылись оптовые склады, которые, по извѣстному толкованію «подлежащаго» вѣдомства, закономъ установлены именно съ цѣлью противодѣйствовать пьянству. И вотъ, немедленно же началось пьянство оптовое, въ размѣрахъ не виданныхъ, причемъ неизвѣстно: потому ли, что каждый теперь лойально покупалъ закономъ опредѣленную порцію и долгомъ своимъ почиталъ выпить всѣ три ведра, или же «оптъ» являлся только рекламою, а по существу увеличилась «розница». Высшая мѣстная власть тогда возбудила ходатайство объ измѣненіи такого порядка въ

* По смѣтѣ переселенческаго управленія на 1909 годъ.

сторону предоставленія ей права вліять также и на ограниченіе оптовой продажи, но въ отвѣтъ было указано вышеприведенное толкованіе о благѣ именно этого способа преподнесенія спирта народу. Когда же сказала свое справедливое слово Дума, то туркестанская власть вновь повторила свое представленіе, поддержанное теперь даже и въ Петербургѣ кѣмъ слѣдуетъ, т. е. заинтересованными уже въ прочномъ устройствѣ хозяйствъ новоселовъ мѣстами и лицами...

Съ тѣхъ поръ протекло пятилѣтіе, а въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ по прежнему «веселіе Руси» продолжается... Но теперь уже самъ «темный» крестьянинъ начинаетъ постановлять приговоры о закрытіи складовъ оптовыхъ: личнымъ опытомъ воспринялъ онъ то, что не всегда бывало понятно столицѣ,—что водка есть ядъ универсальный, и одинаково гибельный какъ для души и здоровья, такъ и для благосостоянія народнаго...

. . . . . .

Постепенно, по мѣрѣ того, какъ живительные лучи Русскаго солнца все глубже проникаютъ въ нѣдра туземнаго края, и свѣтомъ европейской культуры все сильнѣе озаряется старая Азія,—смягчаются контрасты послѣдней, и исчезаютъ самыя мрачныя тѣни.

Но пока только утро новой туркестанской дѣйствительности, и отъ насъ, несомнѣнно, зависитъ приблизить теперь наступленіе здѣсь полдня, или замедлить теченіе времени.

Нужны хорошія рабочія силы, отдѣльные, вооруженные знаніями, энергичные русскіе люди, огромныя матеріальныя средства и искренность во всѣхъ начинаніяхъ, подчиненныхъ опредѣленному и твердому плану.

И тогда новая, молодая страна, созданная подвигами «бѣлыхъ рубахъ»—славныхъ войскъ, покорителей края, и мирной работою «картузовъ» и «смушковыхъ шапокъ»,—Туркестанъ, тысячелѣтіями таившій въ себѣ, вмѣстѣ съ радіемъ, неисчерпаемые запасы животворныхъ производительныхъ силъ, явитъ міру столь пышный расцвѣтъ всѣхъ возможностей, какой не снился прежнимъ владѣтелямъ края—персамъ, скифамъ, китайцамъ, арабамъ..

14 октября 1913 года.